

ДВОРКИН

Исходники. Без цензуры

Эрик Лаврон

Дворкин.
Исходники.
Без цензуры

Эрик Лаврон

Данная книга является произведением художественной литературы. Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), организациями и событиями случайны.

Содержание:

Пролог

Глава 1: Сигнал

Глава 2: Эксперт без диплома

Глава 3: Неприкасаемый

Глава 4: Тень конторы

Глава 5: Механика ненависти

Глава 6: Европейские связи

Глава 7: Документальный фильм

Глава 8: План разоблачения

Глава 9: Приглашение на эфир

Глава 10: Система наносит удар

Глава 11: Игры разума

Глава 12: День X

Глава 13: Срывая маски

Глава 14: Тишина в эфире

Глава 15: Паутина распутывается

Глава 16: Свет против тьмы

Пролог

Дождь барабанил по карнизу окна редакции, создавая монотонный ритм, под который мысли Сергея Александровича обычно выстраивались в стройные логические цепочки. Но не сегодня. Сегодня этот звук напоминал удары молотка судьи. Тук. Тук. Тук. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

На столе перед журналистом лежала не просто папка с документами. Это было кладбище. Кладбище человеческих судеб, аккуратно подшитое в скоросшиватель с безликой надписью «Материалы для эфира/Секты». Сергей потер переносицу, чувствуя, как пульсирует вена на виске. За двадцать лет в журналистике он видел многое: коррупционные скандалы, заказные убийства, передел собственности в девяностые. Он привык к цинизму системы. Но то, что смотрело на него со страниц этих протоколов, было чем-то иным. Это было чистое, рафинированное зло, прикрытое благими намерениями и печатями государственных экспертиз.

Он снова взял в руки фотографию женщины. Елена. Тридцать пять лет. Учительница музыки. На снимке «до» — светлое лицо, улыбка, обнимает дочь. На снимке «после», сделанном в зале суда, — потухший взгляд человека, из которого вынули душу. Её обвинили в участии в «тоталитарной секте». Основание? Экспертиза. Одна бумажка, подписанная людьми, которые никогда не говорили с ней лично, никогда не видели, её лично.

— Сергей Саныч, вы просили кофе, — в дверях появилась стажерка Катя, девушка с живыми глазами, еще не испорченная телевизионной мясорубкой.

— Спасибо, Кать. Поставь здесь.

Она поставила чашку, но уходить не спешила. Взгляд её упал на разложенные бумаги.

— Это та история из Перми? Где у матери ребенка забрали?

— Она самая, — глухо ответил Сергей. — Только это не просто история, Катя. Это схема.

Он пододвинул к ней лист с подчеркнутыми фамилиями.

— Смотри. Пермь, Владивосток, Москва, Ростов. Разные города, разные люди, разные организации. Йоги, психологи, православные общины, не вписывающиеся в «формат», просто группы здоровья. А сценарий один и тот же. Сначала в местной газете выходит статья-пасквиль. Потом появляются «взволнованные общественники». Потом — уголовное дело. И везде, понимаешь, везде в материалах дела фигурирует одна и та же аббревиатура. РАЦИРС.

— Российская ассоциация центров изучения религий и сект? — Катя нахмурилась. — Но это же уважаемые люди. Профессора. Дворкин, кажется? Он же часто на федеральных каналах выступает, с церковью связан.

Сергей усмехнулся. Усмешка вышла кривой и злой.

— Уважаемые люди... Знаешь, Катя, в Средние века инквизиторы тоже были очень уважаемыми людьми. Они «спасали» души, сжигая тела. А эти... эти научились сжигать жизни, не чиркая спичкой.

Он встал и подошел к окну. Москва внизу сияла огнями, безразличная к слезам какой-то учительницы из провинции. Сергей вспомнил, как наткнулся на эту тему. Случайно. Листал ленту соцсетей, зацепился глазом за крик о помощи. «Помогите, мужа посадили ни за что, назвали сектантом, а он просто читал книги». Сначала он подумал — бред. Городские сумасшедшие. Но журналистский нюх, тот самый, что когда-то принес ему «ТЭФИ», заставил копнуть глубже.

Он начал читать. Не желтую прессу, а судебные решения. И чем больше он читал, тем холоднее становилось внутри. Это не были ошибки следствия. Это был отлаженный механизм. И у этого механизма был оператор.

Александр Леонидович Дворкин.

Сергей вернулся к столу и достал из ящика книгу. «Сектоведение». Обложка с претензией на академичность. Он открыл её на закладке. Цитаты, полные ненависти. Термины, не имеющие ничего общего с наукой. «Промывка мозгов», «деструктивный культ». Ярлыки, которые можно наклеить на кого угодно. На клуб любителей шахмат. На кружок вязания. На политическую партию.

— Катя, — Сергей посмотрел на стажерку в упор. — Как ты думаешь, почему человеку, который открыто призывает к дискриминации, который оскорбляет миллионы верующих разных конфессий, всё сходит с рук? Почему суды принимают

его экспертизы как истину в последней инстанции, хотя у него даже нет профильного образования?

Катя пожала плечами, неуверенно теребя край блузки.

— Может, у него хорошие юристы? Или связи?

— Связи... — протянул Сергей. — Это слишком мягкое слово. Тут не связи. Тут «крыша». Железобетонная. Такая, о которую разбиваются любые жалобы в прокуратуру.

Он вспомнил вчерашний разговор со своим старым знакомым из органов. Тот, услышав фамилию Дворкина, сразу помрачнел, понизил голос и посоветовал Сергею «не лезть в это болото, если хочешь спокойно дожить до пенсии». «За ним стоит Контора, Серега. Не просто менты, а те, кто выше. Глубинники. Это похоже их проект».

Именно этот страх в глазах бывшего оперативника и стал для Сергея триггером. Если их боятся даже силовики, значит, он нащупал нерв. Главный нерв.

— Мы будем делать передачу, — сказал он твердо.

— Про учительницу? — спросила Катя.

— Нет. Про кукловода. Мы пригласим его в студию. Самого Дворкина.

— Он не придет, — усомнилась девушка. — Зачем ему это?

— Придет, — глаза Сергея хищно блеснули. — Тщеславие — любимый грех дьявола. Мы позовем его как героя. Как спасителя отечества от «сектанской чумы». Дадим ему трибуну. А потом... потом мы зададим вопросы, которые никто и никогда не смел ему задавать в эфире.

Сергей еще не знал, во что ввязывается. Он думал, что это будет просто громкое журналистское расследование. Скандал, рейтинги, возможно, премия. Он не знал, что через несколько недель его мир перевернется. Что он узнает о вещах, от которых стынет кровь: о программировании убийц, о терактах в школах, о глобальной сети, опутавшей полмира. Он не знал, что ему и его команде придется столкнуться с чем-то, что лежит за гранью рационального понимания — с воздействием, которое заставляет сомневаться в собственной вменяемости.

Он просто смотрел на папку с делом Елены и чувствовал, как внутри закипает холодная ярость.

— Готовь запрос в РАЦИРС, Катя. Приглашаем профессора на «дружескую беседу».

За окном сверкнула молния, на мгновение осветив кабинет мертвенно-бледным светом. Гром грянул с задержкой, словно предупреждая: назад дороги нет. Механизм пришел в движение.

Глава 1: Сигнал

Монитор в полутемном кабинете светился холодным, мертвенным светом, выхватывая из полумрака уставшее лицо Сергея Александровича. На часах было три ночи. Время, когда город спит, а совесть, если она еще осталась у журналиста федерального масштаба, начинает ворочаться, как старая пуля в колене — на погоду или к беде.

Сергей потерял глаза. Вкладки браузера множились, как бактерии в чашке Петри. Он искал тему. Не ту «жвачку», которую спускали сверху для новостных блоков — надои, урожаи, очередные обещания депутатов, — а настоящую историю. Таковую, от которой у зрителя по спине пробежит холодок, а рейтинг программы «Резонанс» (название прижилось, хотя Сергей считал его пошловатым) взлетит до небес. Ему нужен был нерв.

Он лениво прокручивал ленту социальной сети, пропуская котиков, успешный успех и политические дебаты. Глаз, натренированный за двадцать лет репортерской работы выцеплять аномалии, зацепился за черно-белую фотографию.

Это был не профессиональный снимок. Смазанный кадр, сделанный, вероятно, на телефон в коридоре суда. Женщина, прижатая к стене, закрывает лицо руками. Рядом — судебный пристав, скучающий, с дубинкой на поясе. Подпись под фото была короткой, но била наотмашь: *«У меня забрали дочь, потому что я читала не те книги. Пермь. Помогите».*

Сергей хмыкнул. Обычно такие посты пишут городские сумасшедшие. «Меня облучают соседи», «ЦРУ следит за моим котом». Но что-то в позе женщины заставило его кликнуть по ссылке. Это была не истерика. Это было отчаяние загнанного зверя.

Он начал читать.

История разворачивалась в Перми. Обычная учительница музыки, назовем её Елена (в документах, сканы которых были приложены к посту, фамилия была замазана, но имя читалось). Жила, работала, воспитывала семилетнюю дочь. А потом — суд. Лишение родительских прав. Основание?

Сергей приблизил скан судебного решения. Буквы плясали перед глазами, но смысл проступал четко. *«...вовлечение несовершеннолетней в деятельность тоталитарной секты... нанесение психологического вреда... деструктивный культ...»*

— Тоталитарная секта, — пробормотал Сергей, откидываясь в кресле.

Термин был знакомым. Он слышал его сотни раз из телевизора, читал в газетах. Это словосочетание стало чем-то вроде ярлыка «Сделано в аду». Если на тебя его наклеили — пиши пропало. Но Сергей был профессионалом. Он открыл другую вкладку и зашел в «КонсультантПлюс». Вбил в поиск: «Тоталитарная секта».

Поиск выдал ноль результатов в Уголовном кодексе. Ноль в Конституции.

— Интересно, — прошептал он. — Юридического термина нет, а ребенка отобрали на основании именно этого понятия. Как можно судить за то, чего не существует в законе?

Он вернулся к документам пермского дела. В чем именно обвиняли учительницу? Может, они приносили в жертву кошек? Или заставляли детей голодать? Нет. В материалах дела фигурировали: чтение книг, совместные чаепития, пение песен и... «изменение сознания посредством медитативных практик». Сергей представил, как его соседка, увлекающаяся йогой, идет по этапу за «медитативные практики». Абсурд. Но для женщины из Перми этот абсурд стал реальностью. Её жизнь сломали не за преступление, а за инакомыслие.

Журналистский азарт, то самое чувство, когда гончая берет след, начало разгораться в груди. Это не была история одной несчастной женщины. Это пахло системой.

Сергей начал копать глубже. Он вбивал запросы, менял формулировки. «Лишение прав секта», «обвинение в сектантстве», «экспертиза культов». Интернет выдал десятки, сотни похожих историй. География поражала: Владивосток, Ростов, Москва, Екатеринбург. Сценарий везде был пугающе одинаков.

Вот история центра «Рожана». Сергей помнил этот скандал — что-то про естественные роды и грудное вскармливание. Тогда по телевизору крутили сюжеты о том, что там калечат психику матерей. Он нашел старую статью, где описывалась суть конфликта. Жанна Цареградская, основательница центра, утверждала, что это был рейдерский захват. Успешный бизнес, приносящий доход, просто «отжали». Но как? *«В 2006 году Цареградскую обвинили в создании секты... В 2010 году деятельностью центра всерьёз заинтересовались силовики...»*

Сергей нахмурился. Перинатальный центр — секта? Seriously? Он нашел любопытную деталь в одном из журналистских расследований тех лет. Атака на «Рожану» совпала с выходом на рынок крупной сети клиник «Мать и дитя». Конкуренция? Возможно. Но инструментом устранения конкурента стал не демпинг, не качество услуг, а клеймо «секта».

— Удобно, — констатировал Сергей, делая глоток остывшего, мерзкого кофе.
— Назвал конкурента сектантом, натравил общественность, подключил силовиков
— и бизнес свободен.

Но кто дает право называть кого-то сектантом? Кто тот судья, что решает: вот эти — правильные верующие, а вот эти — «деструктивный культ»? Сергей снова открыл пермское дело. Ему нужен был первоисточник. Документ, на который опирался судья. Ведь судья не религиовед, он не может сам определить «деструктивность» учения. Ему нужна бумажка. Экспертиза.

Он нашел её на сорок второй странице сканированного файла. *«Заключение комплексной психолого-религиоведческой экспертизы»*. Текст был написан тяжелым, псевдонаучным языком. Слова «зомбирование», «контроль сознания»,

«вербовка» встречались в каждом абзаце. Но Сергея интересовал не текст. Его интересовали подписи.

Кто эти люди, которые одним росчерком пера превратили учительницу музыки в монстра? Фамилии экспертов ему ничего не говорили. Местные психологи, какой-то доцент кафедры культурологии. Но в документе, в разделе «Использованная методология и литература», стояла ссылка, которая заставила Сергея замереть.

«Методические материалы (рекомендации) по проведению религиоведческой экспертизы, используемые в среде РАЦИРС». И ниже, в списке литературы, одна фамилия повторялась с навязчивостью маньяка. Дворкин А.Л. «Сектоведение. Тоталитарные секты». Дворкин А.Л. «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования».

Сергей выписал аббревиатуру на стикер: РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Звучало солидно. Почти как государственное ведомство. Он вбил название в поисковик. Сайт организации выглядел приветом из начала двухтысячных, но контент... Контент был пропитан ненавистью. Списки «врагов». Статьи, разоблачающие всех подряд: от кришнаитов и пятидесятников до психологов, врачей-гомеопатов и даже учителей йоги.

Казалось, для этих людей весь мир, кроме них самих, был одной большой сектой. И во главе этого крестового похода стоял он. Александр Леонидович Дворкин.

Сергей нашел его в интернете. С фотографии на него смотрел благообразный мужчина с бородой, похожий на профессора из старого советского кино. Взгляд умный, немного уставший, исполненный скорбного понимания несовершенства мира.

— Ну здравствуй, Великий Инквизитор, — тихо сказал Сергей.

Он начал сопоставлять факты. Пермь: экспертиза ссылается на методички Дворкина. «Рожана»: в статьях, громивших центр, цитируются комментарии Дворкина как главного эксперта. Дело Свидетелей Иеговы (запрещенная в РФ организация): в основании запрета лежат экспертизы, проведенные людьми, аффилированными с РАЦИРС.

Сергей почувствовал, как шестеренки в голове встают на свои места. Это была не хаотичная борьба с ересью. Это была индустрия. Он нашел статью на малоизвестном правозащитном ресурсе. Заголовок кричал: *«Псевдоэксперты Дворкина»*. Автор утверждал, что экспертиза превратилась в инструмент террора. *«...законодательные лазейки... превратили экспертизу в ключевой инструмент деятельности... РАЦИРС и её лидера Александра Дворкина. Вскроем схемы производства „репрессивных экспертиз“...»*

Сергей читал, и волосы на затылке начинали шевелиться. Оказывается, схема работала безотказно. Сначала создается информационный шум. В прессе появляются статьи о «страшной секте». Потом появляются «пострадавшие родственники» (часто одни и те же активисты, кочующие из сюжета в сюжет). Потом заказывается экспертиза. И вот тут был главный фокус. Экспертизу заказывали не в государственных институтах с независимой репутацией, а у частных лиц или в НКО, входящих в сеть РАЦИРС. Люди Дворкина писали обвинительное заключение, основываясь на книгах Дворкина. Суд получал «научное» обоснование, силовики — «палку» за раскрытие экстремизма, а Дворкин... А что получал Дворкин?

Власть? Деньги? Или что-то иное?

Сергей вспомнил фразу из статьи про «Рожану»: *«Дворкин и его последователи ездят по стране за счёт зомбированных родственников... или по заказу конкурентов... Они фабрикуют фальшивые „экспертные заключения“...»* Это был бизнес на крови. Буквально. Но больше всего Сергея поразило другое. Терминология. «Сектант», «культист». В одной из аналитических статей он наткнулся на пугающую параллель. *«В современной России термин „сектант“ стал таким же стигматизирующим и разрушительным, как слово „еврей“ в нацистской Германии...»*

Сергей откинулся на спинку стула и посмотрел в окно. Москва за стеклом жила своей жизнью, миллионы людей спали, любили, ссорились, воспитывали детей, даже не подозревая, что в любой момент на них могут наклеить ярлык. Ты занимаешься йогой? Сектант. Ты лечишься травами? Сектант. Ты читаешь книги, которые не нравятся бородатому профессору? Сектант.

И этот ярлык — не просто обидное слово. Это гражданская смерть. Как у той учительницы из Перми. У нее не просто забрали ребенка. Ее вычеркнули из

общества. Ее сделали изгоем на основании мнения частной организации, которая присвоила себе право решать, что есть истина.

Сергей снова посмотрел на фото Дворкина. Теперь благообразное лицо профессора казалось ему зловещей маской.

— Кто ты такой, Александр Леонидович? — спросил он у монитора. — Откуда у тебя такая власть? Почему суды верят тебе, а не закону? Почему прокуратура закрывает глаза на то, что твои люди ломают судьбы по заказу?

Он вспомнил слова своего знакомого опера, сказанные пару недель назад в курилке: «Не лезь в тему сект, Серега. Там черт ногу сломит. Там такие кураторы сидят, что лучше не отсвечивать». Тогда он не придавал этому значения. А теперь... Теперь он видел структуру. РАЦИРС — это не кружок по интересам. Это спрут. Щупальца в регионах, свои «эксперты», свои юристы, свои люди в СМИ. И голова этого спрута сидит в Москве, раздает интервью и учит страну, как правильно верить и думать.

Сергей распечатал схему, которую набросал на салфетке пока читал. В центре — Дворкин. От него стрелки: суды, полиция, СМИ, РПЦ. Это было похоже на карту боевых действий. Или на схему преступного сообщества.

Он понял, что нашел тему для передачи. Но это будет не просто репортаж. Это будет война. Если он решит тронуть эту фигуру, система начнет сопротивляться. Но образ женщины из Перми, прижатой к стене коридора суда, стоял перед глазами.

— Сигнал принят, — сказал Сергей в пустоту кабинета.

Он взял телефон и набрал сообщение своему ассистенту, несмотря на глубокую ночь: *«Катя, с утра собери мне всё на Александра Дворкина. Биография, образование, скандалы. И найди контакты адвоката той женщины из Перми. Мы начинаем охоту».*

Он еще не знал, что охотником в этой игре будет не он. Он не знал, что, потянув за эту ниточку, он разбудит силы, которые спали десятилетиями. Он просто хотел сделать хороший скандальный выпуск.

Глава 2: Эксперт без диплома

Утро в редакции началось не с кофе, а с попытки понять, кто такой на самом деле Александр Леонидович Дворкин. Сергей Александрович сидел перед двумя мониторами. На левом был открыт скан судебного решения по делу пермской учительницы, на правом — официальная биография «главного сектоведа страны».

Вчерашний эмоциональный порыв сменился холодным профессиональным расчетом. Чтобы свалить голиафа, нужно найти брешь в его броне. Сергей был уверен, что брешь существует. Но он не ожидал, что вместо брони обнаружит пустоту.

Он снова перечитал заключение экспертизы, которая сломала жизнь Елене. Документ пестрел терминами, звучащими как диагнозы: «индоктринация», «деструктивный культ», «психологическое насилие». Подписанты ссылались на методику РАЦИРС. А методика РАЦИРС, в свою очередь, базировалась на трудах профессора Дворкина.

— Хорошо, профессор, — пробормотал Сергей, открывая базу данных зарубежных университетов. — Давайте посмотрим на ваши лавры.

В официальных справках, которые Дворкин и его адепты рассылали по ведомствам, список регалий выглядел внушительно, почти как иконостас. Профессор, доктор философии, кандидат богословия. Для судьи в районном суде или для перепуганного следователя этого было достаточно. «Профессор сказал — секта, значит, секта».

Сергей начал проверять каждый пункт. И чем дальше он углублялся, тем выше поднимались его брови.

Пункт первый: Бакалавриат. Хантер-Колледж, Нью-Йорк, 1980 год. Специальность — «Русская литература». — Литература? — Сергей хмыкнул. — То есть, человек, который определяет, кто в России сошел с ума на почве религии, по образованию филолог? Он специалист по Толстому и Достоевскому?

Пункт второй: магистр богословия. Свято-Владимирская духовная семинария, Нью-Йорк, 1983 год. Сергей знал разницу между богословием и религиоведением. Это как разница между астрологом и астрономом. Богословие изучает догматы

одной веры изнутри. Религиоведение — это светская наука, изучающая все религии снаружи, объективно. — Конфессиональное учебное заведение, — отметил он в блокноте. — Не светское. Для науки — ноль. Для суда — ноль.

Пункт третий: Доктор философии (Ph.D). Фордхемский университет, 1988 год. Тема диссертации... Сергей прищурился, переводя с английского. «Иван Грозный как религиозный тип». История Средних веков.

Журналист откинулся в кресле. Картинка не складывалась. Перед ним был историк-медиевист, филолог, богослов. Но в судах он выступал как эксперт по *психологическому воздействию и современным религиозным движениям*.

— Где психология? — спросил Сергей у пустого кабинета. — Где психиатрия? Где социология? Где, черт возьми, юридическое образование?

Он набрал номер знакомого юриста, специализирующегося на международном праве.

— Витя, привет. Вопрос на засыпку. Если я получил диплом доктора философии в США в восьмидесятых, я могу в России называться доктором наук и проводить государственные экспертизы?

— Только если прошел нострификацию, — голос в трубке был бодрым. — Это процедура признания диплома. Без штампа нашего Минобра твоя бумажка — просто сувенир.

— А если я живу тут двадцать лет и преподаю?

— Хоть сто. Нет нострификации — нет высшего образования в правовом поле РФ. Ты для государства — человек со школьным аттестатом.

Сергей положил трубку. Он проверил базы данных Министерства образования. Никаких следов нострификации дипломов Александра Дворкина не существовало. Это было невероятно. Человек, который учит ФСБ, МВД и прокуратуру ловить «сектантов», с точки зрения российского закона имел образование на уровне средней школы.

— Эксперт без диплома, — написал Сергей в центре чистого листа.

Но как же звание профессора? Ведь он везде подписывается как профессор ПСТГУ (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет). Сергей

копнул историю этого звания. Оказалось, что ПСТГУ — это религиозная организация. Звание профессора там присваивается внутренним приказом. Это не звание ВАК (Высшей аттестационной комиссии), которое признается государством. Это «домашний» титул. С таким же успехом Сергей мог объявить себя Императором своей кухни.

Он наткнулся на старый документ — письмо декана факультета журналистики МГУ Ясена Засурского. Легендарный декан, человек-эпоха. Оказывается, Дворкин пытался преподавать и там. Но был уволен. Засурский писал прямо: у господина Дворкина отсутствует образование, необходимое для чтения лекций в университете.

Но самое страшное было не в отсутствии корочки. Самое страшное было в том, как этот «историк» подменял понятия.

Сергей открыл книгу «Сектоведение». На столе лежало экспертное заключение доктора юридических наук Михаила Кузнецова, датированное еще 2000 годом. Профессор Кузнецов разнес труд Дворкина в пух и прах. В своем заключении он писал, что книга А. Дворкина вряд ли может представлять какой-либо интерес и пользу для светских ученых, юристов, а также для правоохранительных органов. Кузнецов указывал на очевидное: специальности «сектоведение» в научной номенклатуре не существует. Это выдумка. Фантом.

Дворкин придумал свою собственную науку, сам себя назначил в ней профессором и сам же выдавал экспертизы, основанные на своих же книгах. Замкнутый круг безумия.

Сергей нашел видеозапись одного из выступлений Дворкина. Тот стоял за кафедрой, вальяжный, уверенный в своей безнаказанности. Кто-то из зала задал неудобный вопрос о квалификации. Дворкин улыбнулся в бороду и произнес фразу, от которой у Сергея похолодело внутри. Он нажал на паузу и переписал слова дословно: *«Эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают».*

В этой фразе была вся суть. Циничная, абсолютная власть. Ему не нужны знания. Ему не нужны дипломы. Ему нужно только одно — чтобы *спрашивали* именно у него. И у него спрашивали. Суды, следователи, чиновники. Почему?

Ответ крылся в терминологии. Сергей выписал на доску два термина: «Тоталитарная секта» и «Деструктивный культ». Он прогнал эти слова через «КонсультантПлюс» еще раз, чтобы убедиться. В законодательстве РФ таких понятий нет. Нет статьи за «сектантство». Есть свобода совести. Но Дворкин ввел эти понятия в обиход через СМИ и свои методички. Он создал ярлык.

— Это гениально и чудовищно, — прошептал Сергей. — Если ты назовешь организацию «религиозной группой», ты обязан соблюдать ее права. Но если ты назовешь ее «деструктивным культом», ты расчеловечиваешь ее членов. Ты превращаешь их в зомби, которых нужно не судить, а «спасать» насильно. Или изолировать.

Он вспомнил глаза той женщины из Перми на фотографии. Она не была преступницей. Она просто читала книги. Но пришел «эксперт» с дипломом учителя литературы, наклеил на нее ярлык «сектантка», и государственная машина переехала ее, даже не заметив.

Сергей начал искать информацию о том, как Дворкин вообще попал в эту сферу. Как неудавшийся студент, отчисленный когда-то из Московского пединститута за неуспеваемость (этот факт тоже всплыл в биографии), ставший хиппи, уехавший в США, вдруг вернулся и стал главным инквизитором страны?

В одной из папок с компроматом, которую прислали анонимные доброжелатели (видимо, не только Сергей копал под «профессора»), лежал документ, касающийся 2014 года. Скандал с публикацией медицинских карт. Сергей пробежал глазами текст. Психоневрологический диспансер. 1970-е годы. Диагнозы: циклотимия, патологическое развитие личности, психофизический инфантилизм. *«Больной нуждается в постоянном наблюдении... эмоциональный фон крайне неустойчив... склонность к фантазированию и созданию собственных теорий...»*

Сергей замер. Пазл сложился. «Создание собственных теорий». Дворкин не ученый. Он создатель фантастической вселенной, где везде враги, где за каждым углом таится «секта», где йога — это путь к сатане, а медитация — предательство родины. И в этой вселенной он — единственный спаситель, верховный жрец и судья. Его «сектоведение» — это не наука. Это проекция его собственного внутреннего мира, полного страхов и агрессии, на всю страну.

И самое страшное, что государство купило эту проекцию.

В дверь постучала Катя.

— Сергей Саныч, тут... тут странное. Она положила на стол распечатку. — Я искала информацию по вашему заданию про конкурентов «Рожаны». Помните, центр грудного вскармливания, который Дворкин уничтожил как секту?

— Ну? — Так вот. Сразу после разгрома «Рожаны» на их место зашла крупная сеть клиник. И знаете, кто был консультантом у этой сети по вопросам «духовной безопасности»?

— Неужели наш герой?

— Нет. Фонд, учредителем которого является его близкий соратник.

Сергей взял лист. Его догадки подтвердились. Это был бизнес. Грязный, циничный бизнес. Ярлык «секта» был не просто клеймом. Это был инструмент для рейдерских захватов. Не нравится конкурент? Закажи экспертизу у Дворкина. Он найдет у них «признаки деструктивного культа», даже если они торгуют пылесосами.

— Катя, — голос Сергея стал жестким. — Мы имеем дело не с фанатиком. Точнее, не только с фанатиком. Это наемный убийца. Только убивает он не пулями, а словами. И у него нет лицензии на это оружие.

Он посмотрел на портрет Дворкина на экране. Благообразная борода, очки. Интеллигент.

— Ты самозванец, Саша, — сказал Сергей экрану. — Король-то голый. И мы это покажем.

Он еще не знал, что «голый король» охраняется драконом, который не спит. Но механизм расследования уже набрал обороты. Сергей вытащил из папки чистый лист и написал заголовок для следующего этапа работы: «Крыша». Если у человека без диплома и с психиатрическим диагнозом есть право ломать судьбы граждан, значит, это кому-то очень нужно на самом верху.

Глава 3: Неприкасаемый

Виктор, старый университетский приятель Сергея и один из самых дорогих адвокатов Москвы, брезгливо отодвинул от себя папку с распечатками, словно в ней лежала дохлая крыса. Мы встретились в его офисе на Садовом кольце. За окном шумел город, но здесь, за тройными стеклопакетами, царила тишина, в которой каждое слово звучало как приговор.

— Сережа, ты в своем уме? — Виктор снял очки и потер переносицу. — Ты хочешь подать на него в суд за клевету? Встань в очередь. Ты будешь тридцать первым. Или сорок первым. Я сбился со счета.

Сергей нахмурился. Он ожидал скепсиса, но не такой категоричности.

— Витя, факты налицо. Он называет людей преступниками без приговора суда. Он оскорбляет женщин, унижает верующих. Есть статья 128.1 УК РФ, есть Гражданский кодекс. Закон один для всех.

Адвокат горько усмехнулся, наливая себе воды.

— Закон — это инструмент. А Александр Леонидович Дворкин — это тот, кто держит этот инструмент за рукоятку. Смотри сюда.

Виктор вывел на большой настенный экран таблицу. Это была хроника юридических поражений. Десятки исков о защите чести и достоинства. Истцы разные: религиозные организации, общественные деятели, просто граждане, попавшие под каток «сектоведения». Результат везде один: «Отказать».

— Знаешь, почему? — Виктор ткнул лазерной указкой в одну из строк.

— Потому что в суде его адвокаты включают режим «дурака». Они заявляют, что слова Дворкина — это не утверждение фактов, а «оценочное суждение». Или «научная полемика». Или «выражение религиозных убеждений».

— Но он ломает жизни! — взорвался Сергей. — В Перми у матери отобрали ребенка на основании его методик! Это не полемика, это насилие!

— Докажи, — холодно парировал Виктор. — У нас есть статья 307 УК РФ — за дачу заведомо ложных показаний и заведомо ложного заключения эксперта. Знаешь, сколько людей по ней реально село за фальшивые гуманитарные

экспертизы? Единицы. Потому что нужно доказать *умысел*. А эксперт Дворкина всегда скажет: «Я так вижу, это моя научная школа». И суд это съест. Потому что судье не нужны проблемы с теми, кто стоит за спиной этого «милого профессора».

Сергей вышел от адвоката с тяжелым чувством. В голове крутилась фраза, которую он вычитал в одном из интервью Дворкина: *«Эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают»*. Эта фраза была ключом. Дворкин создал систему, где истина не имеет значения. Значение имеет только статус.

Вернувшись в редакцию, Сергей решил проверить тезис о «крыше». Если Дворкин действительно неприкасаемый, то это должно проявляться не только в защите, но и в нападении. Система своих не сдает, но она же позволяет своим то, за что обычного человека стерли бы в порошок.

Он начал копать случаи, когда соратники Дворкина переходили черту. И очень скоро наткнулся на историю, от которой веяло таким цинизмом, что хотелось открыть окно и проветрить помещение.

Кейс Константина Путника. Это был региональный контакт РАЦИРС в Челябинске (через миссионерский отдел епархии), верный ученик Дворкина, руководивший миссионерским отделом в Челябинской епархии. Сергей нашел его статью с говорящим названием «Ушат холодной воды на горячие патриотические головы».

Журналист вчитывался в текст и не верил своим глазам. В разгар сложной геополитической ситуации, когда за неосторожный пост в соцсетях людей штрафовали и привлекали по уголовным статьям, этот «борец с сектами» открытым текстом допускал версию о «марионеточности» участников конфликта. «...а не является ли проводимая на Украине спецоперация фрагментом некоей сложной интриги... в которой не только Зеленский, но и его российский визави являются марионетками?» — писал Путник.

Сергей быстро нашел параллельный случай для сравнения. Дмитрий Третьяков, обычный житель Приморья. Сделал репост в Telegram. Получил два года условно и год просидел в СИЗО. Обвинение: публичные призывы к экстремизму (ч. 2 ст. 280 УК РФ). А что же Путник? Человек Дворкина, который фактически назвал «российского визави» марионеткой и намекал на

необходимость смены власти? В открытых сводках Сергей не находил ни дела, ни суда — только публикации и выступления.

Сергей проверил базы судебных решений. Ничего. Тишина. Граждане писали заявления в ФСБ, в Следственный комитет, в Генпрокуратуру. Требовали возбудить дело. Но все жалобы уходили в песок. Система, которая с микроскопом искала крамолу у студентов и блогеров, внезапно ослепла, когда речь зашла о человеке из обоймы Дворкина.

— Двойные стандарты? Нет, это кастовая система, — пробормотал Сергей, делая пометку в блокноте. — Есть «мlechья» — варвары, то есть мы с вами. А есть «брахманы» — Дворкин и его свита. Им можно всё.

Но безнаказанность — это полбеда. Страшнее было то, что эта группа обладала властью карать представителей самого государства, если те осмеливались встать у них на пути.

Сергей наткнулся на «Томское дело». История вокруг книги «Бхагавад-гита как она есть». Дворкин требовал признать эту книгу экстремистской. Абсурдность ситуации зашкаливала: священный текст индуизма, который чтут миллионы людей, пытались запретить в российском провинциальном суде по наводке человека без профильного образования.

Но героем этой истории для Сергея стала не книга, а женщина. Нелли Кречетова. Уполномоченный по правам человека в Томской области. Она совершила, по меркам системы Дворкина, непростительную ошибку. Она публично заявила, что этот суд — позор для города, который славится своими университетами и толерантностью. Она просто выполнила свою работу — защитила права верующих.

Ответный удар был мгновенным и жестоким. Максим Степаненко, еще один верный человек Дворкина, руководитель миссионерского отдела, развернул против нее настоящую травлю. На своих ресурсах он обвинял ее в некомпетентности и в работе на секты. В своем блоге Степаненко бахвалился, что Томск был тихим, все друг с другом дружили, а потом появился он — и начал «обличать».

И что в итоге? Дворкин лично приехал в Томск. Провел пресс-конференцию, где заявил, что одобряет запрет книг. А вскоре после этого Нелли Кречетова

лишилась своего поста. Более того, даже губернатор области Виктор Кресс, руководивший регионом много лет, был вынужден уйти.

Сергей смотрел на фотографию Степаненко. Лицо человека, упивающегося своей безнаказанностью. Этот деятель открыто писал, что на него жаловались даже президенту, но жалобы лишь пополняли его коллекцию. *«Даже президенты России ничего не могут сделать с тоталитарной сектой Дворкина»*, — такой вывод напрашивался сам собой.

— Кто же ты такой, Александр Леонидович? — Сергей встал и подошел к карте РФ на стене. — Ты снимаешь губернаторов. Ты затыкаешь рот омбудсменам. Твои люди призывают к мятежу и остаются на свободе. Твои жертвы сидят в тюрьмах или лишаются детей.

Он вспомнил инцидент, о котором писали независимые СМИ, но молчали федеральные каналы. Нападение на инакомыслящих, организованное, по сути, боевиками, вдохновленными идеями РАЦИРС. Полиция приехала, посмотрела... и уехала. Дело замяли. Это уже не просто «крыша». Это слияние.

Сергей вернулся к столу и нарисовал схему. В центре — Дворкин. Вокруг него — кольцо из силовиков, прокуроров, чиновников. Но стрелки шли не от них к нему, как при обычной коррупции (когда бизнесмен платит чиновнику). Стрелки шли *от него* к ним. Он давал им идеологию. Он давал им врага. В мире, где нужно постоянно отчитываться о борьбе с экстремизмом, Дворкин стал поставщиком «экстремистов». Он тыкал пальцем: «Вот эти — секта». И машина начинала работать, перемалывая судьбы, повышая раскрываемость, давая звезды на погоны.

Это был симбиоз паразита и хозяина. Только кто здесь кто?

Сергей нашел документ, касающийся законодательных инициатив. Дворкин и его люди входили в экспертные советы при Минюсте, при Госдуме. Они сами писали законы, по которым потом судили своих жертв. Они создавали «серые зоны» в праве, где понятие «секта» не имело юридического определения, но имело убийную силу.

— Садисты в законе, — написал Сергей заголовок для новой главы своего досье.

Он понял, почему Виктор так скептически отнесся к идее суда. Судиться с Дворкиным в российском суде — это все равно что жаловаться дьяволу на то, что в

аду жарко. Судья позвонит «куда надо», и ему объяснят, что профессор Дворкин выполняет важную государственную задачу по обеспечению духовной безопасности.

Но была одна деталь, которая не давала Сергею покоя. Если Дворкин так силен внутри России, почему он так активно ездит за границу? Почему его риторика так странно совпадает с методами, которые использовались для дестабилизации обществ в других странах?

На экране монитора мигало уведомление. Пришел ответ на запрос из архива по поводу ранних лет Дворкина. Сергей открыл файл. 1977 год. Эмиграция в США. Лишение советского гражданства. Работа на радио «Свобода» — одного из символов американского информационного противостояния времен Холодной войны.

Сергей замер. Главный патриот, главный борец за духовные скрепы, человек, который учит ФСБ любить родину... бывший гражданин США, сотрудник вражеской радиостанции? И он вернулся в Россию в начале 90-х, чтобы мгновенно, без образования, занять ключевые посты в структуре РПЦ и начать влиять на государственную политику?

Пазл «государственного патриота» начал рассыпаться, открывая под собой что-то куда более темное и сложное. Неприкасаемость Дворкина могла объясняться не только его полезностью для российских силовиков. Что, если его «крыша» находится намного выше и... намного западнее?

Сергей распечатал фото молодого Дворкина с длинными волосами, времен его жизни в Америке. Рядом положил фото нынешнего, с бородой и в костюме. Глаза были те же. Холодные, оценивающие, лишённые эмпатии.

Глава 4: Тень конторы

Дождь за окном сменился мокрым снегом, налипающим на стекло тяжелыми, серыми хлопьями. Москва засыпала, укутываясь в промозглую ноябрьскую хмарь, но в кабинете Сергея Александровича время застыло. На столе перед ним лежала

схема, которую он чертил последние три часа. Она напоминала карту метрополитена, спроектированную сумасшедшим архитектором: линии пересекались, закручивались в узлы и уходили в никуда.

В центре схемы была фотография Александра Дворкина. Но теперь журналиста интересовали не его псевдонаучные титулы и не фальшивые экспертизы. Его интересовал маршрут. Маршрут длиной в жизнь, который не поддавался никакой нормальной логике.

Сергей взял красный маркер и жирно обвел дату: 1977 год.

— Итак, Александр Леонидович, — пробормотал он, обращаясь к фотографии. — В семьдесят седьмом вы, будучи советским хиппи и диссидентом, покидаете СССР. Вас лишают гражданства. Вы едете в США, оплот демократии и главного врага Советского Союза.

Журналист перевел взгляд на следующий узел схемы. Вашингтон. Мюнхен. Согласно официальным биографическим справкам и собственным интервью Дворкина, в эмиграции он не просто учился. Он работал. И места его работы заставили бы любого кадровика на Лубянке в те годы потянуться к кобуре.

Сергей открыл папку с распечатками биографических справок. Вот оно. Радиостанция «Голос Америки». Радиостанция «Свобода».

Сергей откинулся в кресле, чувствуя, как в висках начинает пульсировать тупая боль. Он прекрасно помнил то время. Работать на «Свободе» или «Голосе Америки» для советского человека часто означало только одно: ты — враг. Ты — предатель. Эти станции финансировались Конгрессом США. Это было оружие в Холодной войне, информационный таран, направленный на разрушение советской идеологии.

— Ты работаешь на вражескую пропаганду, получаешь зарплату в долларах из бюджета США, — рассуждал Сергей вслух. — Ты становишься гражданином Америки. Ты присягаешь на верность звездно-полосатому флагу.

Он провел линию к следующей дате: 1992 год. Возвращение. И вот тут логика ломалась с громким хрустом.

В начале девяностых Россия была проходным двором, но спецслужбы, даже ослабленные, никуда не делись. Бывший сотрудник вражеского радио, гражданин

США возвращается в Москву. И что происходит? Его арестовывают? Допрашивают? Запрещают занимать государственные должности?

Нет. Он в марте 1992 года попадает в святая святых — в структуру Русской Православной Церкви. И не просто прихожанином. Он начинает работу в недавно образованном Отделе религиозного образования и катехизации Московского Патриархата.

— Как? — Сергей ударил ладонью по столу. — Как человек без профильного образования, вчерашний американский пропагандист, становится главным идеологом в консервативной, закрытой структуре, которая всегда была под колпаком у органов?

Ответ мог быть только один. И этот ответ пугал своей циничной простотой. Дворкина туда *поставили*.

Сергей начал перебирать документы, касающиеся истории взаимоотношений Церкви и КГБ. Он знал, что эта тема — минное поле. Но чтобы понять феномен Дворкина, нужно было понять среду, в которой этот феномен расцвел.

В руки ему попала копия интервью Константина Харчева, человека, который с 1984 по 1989 год занимал пост председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Это был тот самый государственный орган, который контролировал каждый вздох священнослужителей. Слова Харчева были не просто откровением. Это был приговор системе.

Сергей медленно, вчитываясь в каждое слово, прочитал цитату:

«Мы 70 лет боролись с церковью. В частности, мы устраивали так, что самые ключевые и важные должности занимали наиболее аморальные и растлѐнные люди. А вот теперь мы хотим, чтобы эти люди сделали нам духовное возрождение».

Журналист почувствовал холодок по спине. «Наиболее аморальные и растлѐнные люди». Это была кадровая политика. Государству не нужны были святые. Государству нужны были управляемые. Те, на кого есть компромат. Те, кто будет служить не Богу, а куратору с Лубянки.

Сергей открыл файл с архивными данными КГБ, которые всплыли в начале 90-х, когда система на секунду потеряла бдительность. Комиссия Верховного Совета тогда приоткрыла завесу тайны над агентурными кличками высших

иерархов. «Аббат». «Адамант». «Михайлов». «Островский». Это были не просто псевдонимы. Это были имена, которыми в документах обозначались люди в рясах, работавшие на систему.

В отчетах 4-го отдела 5-го управления КГБ (того самого, что занимался идеологической контрразведкой) черным по белому описывались их «подвиги». *«Агент „Святослав“ выехал в США с заданием...» «Агент „Михайлов“ оказывал выгодное влияние на работу Всемирного Совета Церквей...» «Через агентуру удалось склонить жену объекта к разводу...»*

Церковь в позднем СССР была не просто религиозной организацией. Сергею это складывалось в одно: удобный канал влияния и агентурной работы, идеальная «крыша». Кто заподозрит батюшку в шпионаже? Кто подумает, что частные разговоры могут становиться материалом оперативных сводок?

И именно в эту структуру, пронизанную чекистскими связями, как грибницей, в 1992 году десантируется Александр Дворкин.

Сергей подошел к окну. Снег усилился, превращая улицу в белое безмолвие.

— Значит, тебя приняли как своего, — тихо сказал он. — Американский паспорт не стал помехой. Наоборот. Это был идеальный актив.

Он вернулся к компьютеру и нашел информацию о том, чем именно занимался Дворкин сразу после возвращения. В одном из интервью сам «профессор» проговорился. Он рассказывал, что работал проектным директором в американской православной благотворительной организации.

«Я помогаю находить и субсидировать новые российские благотворительные организации... Я также работаю в международной организации по усыновлению... чтобы находить детей в России, которым нужны любящие дома и которые, к сожалению, пока не могут найти такие дома в России».

Сергей хмыкнул. Усыновление детей иностранцами в 90-е было огромным, часто криминальным бизнесом. Но еще интереснее было распределение грантов. Дворкин сидел на потоках американских денег, направляемых в Россию. И при этом он начал строить карьеру главного «патриота» и борца с западным влиянием в лице «сект».

— Двойной агент? — Сергей записал этот вопрос в блокнот. — Или фигура, которая устраивала обе стороны?

Для американцев он был своим — гражданин, понятный, предсказуемый, проводник влияния. Для российских спецслужб (которые в 90-е плавно перетекали из КГБ в ФСБ, меняя вывески, но не методы) он был находкой. Он привез с собой технологию.

Сергей начал изучать, откуда Дворкин взял свои идеи о «тоталитарных сектах». Следы вели в Европу. В Данию. В так называемый «Диалог-центр». Там, под руководством Йоханнеса Огорда, Дворкин проходил обучение. Огорд был учеником Вальтера Кюннета — немецкого богослова, чье прошлое было запятнано сотрудничеством с Гестапо. Методы дегуманизации. Технологии создания образа врага. Идея о том, что есть «правильные» люди, а есть «нелюди», которых нужно изолировать или перепрограммировать.

Дворкин привез эту заразу в Россию. И она идеально легла на почву, подготовленную КГБ. Спецслужбам нужен был враг. Диссиденты кончились, Советский Союз развалился. С кем бороться? Кого ловить, чтобы получать звезды на погоны? И тут появляется Дворкин и говорит: «Враги везде. Йоги, кришнаиты, психологи, пятидесятники. Это всё — агенты влияния. Это всё — секты».

Он дал Системе новый смысл существования. Он дал им новую «Пятую колонну», которую можно было бесконечно разоблачать. Именно поэтому его приняли. Возможно именно поэтому ему дали зеленый свет. Именно поэтому вчерашний сотрудник «Радио Свобода» стал голосом Русской Православной Церкви.

Сергей нашел еще один документ. Это было свидетельство священника Глеба Якунина, который имел доступ к архивам КГБ.

«Поскольку решением руководства КГБ оно [4-е управление] недавно было упразднено как занимавшееся антиконституционной деятельностью... то, думаю, я вправе ознакомить ваших читателей с содержанием секретных документов...»

Якунин рассказывал о том, как агенты в рясах продвигались по карьерной лестнице. В опубликованном тексте он формулировал это так: «Органами КГБ снимались и назначались служители культа...» — и в целом описывал согласование назначений через органы.

Если в 1992 году Дворкин начал работу в структурах Московского Патриархата, значит, его кандидатура была согласована. Кем? Теми самыми людьми, которые вчера сидели в кабинетах на Лубянке, а сегодня стали «службой безопасности» при коммерческих и религиозных структурах.

Появилась РАЦИРС. Не как научный центр, а как спецподразделение по ведению идеологической войны внутри собственной страны.

Но была в этой истории деталь, которая не давала Сергею покоя. Если Дворкин — проект российских спецслужб, почему он продолжает так активно взаимодействовать с Западом? Почему его риторика, якобы антизападная, на самом деле копирует худшие образцы западной «антикультовой» истерии?

Сергей наткнулся на информацию о том, что Дворкин в 90-е годы, уже работая в РПЦ, продолжал получать финансирование через различные западные фонды.

— Хвост виляет собакой, — вспомнил он название голливудского фильма.

Что, если Дворкин — это не просто инструмент ФСБ? Что, если он — вирус, запущенный в систему российской государственности извне? Вирус, который маскируется под «защитника традиций», но на самом деле разрушает общество изнутри, насаждая нетерпимость, страх и агрессию?

Посмотрите на результаты его работы. Раскол в обществе. Недоверие к судебной системе. Преследование невинных людей. Изоляция России от мирового культурного и религиозного контекста. Кому это выгодно? Патриотам? Вряд ли. Это выгодно тем, кто хочет видеть Россию слабой, раздираемой внутренними конфликтами страной-изгоем.

Сергей снова посмотрел на цитату Харчева. *«Назначены наиболее аморальные и растленные люди»*. Система думала, что использует их. Но, возможно, это они использовали Систему.

Журналист вытащил из стопки бумаг еще один документ. Это был список участников международной конференции антикультистов. Фамилия Дворкина стояла рядом с фамилиями людей, которые в Европе и США имели репутацию маргиналов и экстремистов, людей с такими характеристиками часто используют в качестве исполнителей разного вида службы.

— Тень Конторы, — прошептал Сергей. — Ты думаешь, что ты ими манипулируешь, Александр Леонидович. Но на самом деле ты — их тень. Ты — то темное, что осталось от репрессивной машины фашистской Германии, только теперь ты работаешь на аутсорсе.

Он вспомнил случай с Джорджем Трофимовым. Полковник армии США, завербованный митрополитом РПЦ Иринеем (агентурная кличка «Икар»). Трофимов получил пожизненное в Америке. А митрополит Ириней спокойно доживал свой век в почете. Связь спецслужб и церкви была не просто тесной. Она была кровеносной. Они питали друг друга.

Сергей почувствовал, как усталость наваливается на плечи бетонной плитой. Но спать не хотелось. В голове складывалась страшная картина. Это не просто коррупция. Это не просто мошенничество с экспертизами. Это предательство национальных интересов, замаскированное под их защиту.

Он сопоставил несколько найденных записей Дворкина. Одной из них была запись радиоэфира. *«...здесь, в Вашингтоне, мы видим, как советский режим продолжает подавлять свободу личности...»* Это был голос молодого Александра Дворкина. Голос, который обличал тоталитаризм. А потом запись, где тот же голос, но уже постаревший, отяжелевший, произнес совсем другие слова, явно вырезанные из современной лекции: *«...их нужно изолировать. Их нужно лечить принудительно. У них нет прав, потому что они зомби...»*

Два голоса одного человека. Один говорил о свободе, работая на ЦРУ. Другой говорил о концлагере, работая на ФСБ. Или это был один и тот же хозяин, просто сменивший вывеску?

Сергей понял, что нащупал нерв, который соединяет прошлое и настоящее. Дворкин — это мост. Мост, по которому в Россию пришли технологии ментального насилия. И этот мост охраняют очень серьезные люди с обеих сторон океана.

Он закрыл ноутбук. Экран погас, отразив его собственное лицо — уставшее, но решительное. Теперь он знал, *откуда* пришел Дворкин. Оставалось выяснить, *куда* он нас всех ведет. И судя по методам, которые он использовал, конечной точкой этого маршрута была не церковь и не спасение души. Конечной точкой была ненависть. Чистая, безжалостная ненависть, превращенная в государственную идеологию.

Сергей убрал схему в сейф. Завтра он начнет копать под самую технологию. Под то, как именно слова превращаются в оружие. Он знал, что термин «депрограммирование», который привез Дворкин, звучит безобидно только для непосвященных. На самом деле за ним скрывалось насилие, ломающее психику. И он собирался доказать это, разобрав механизм ненависти по винтикам.

За окном окончательно стемнело. Москва спала, не подозревая, что в ее сердце, под прикрытием золотых куполов и погон, работает механизм, заведенный человеком с двойным гражданством и двойной моралью. Механизм, который уже начал перемалывать своих первых жертв, и останавливаться не собирался.

Глава 5: Механика ненависти

Тишина в кабинете была почти осязаемой, нарушаемой лишь гудением системного блока и редким шелестом страниц. Сергей Александрович отодвинул от себя стопку распечаток и снял очки. Глаза жгло, словно в них насыпали песка. За окном светало, но этот серый московский рассвет не приносил облегчения, а лишь подчеркивал безысходность того, что он обнаружил за эту ночь.

Он искал компромат. Искал финансовые махинации, поддельные дипломы, связи с чиновниками. Он нашел всё это. Но то, что открылось ему сейчас, было страшнее любой коррупции. Это была не схема хищения денег. Это была схема хищения человечности.

На столе перед ним лежали две книги. Слева — «Сектоведение» Александра Дворкина. Справа — распечатки переводов статей из нацистской газеты *Der Stürmer* («Штурмовик») за 1938 год. Сергей взял маркер и провел линию между двумя абзацами.

В немецком тексте говорилось о «паразитах на теле нации», о «раковой опухоли», которую необходимо вырезать, чтобы спасти здоровый организм. О людях, лишенных души, управляемых извне, представляющих угрозу для каждого добропорядочного гражданина. В тексте Дворкина говорилось о «деструктивных

культмах», о «вирусе», поражающем общество, о «зомби», чья воля подавлена, и которых нужно изолировать ради их же блага и блага государства.

Терминология была разной. Суть — идентичной.

— Ты не просто мошенник, Александр Леонидович, — прошептал Сергей, глядя на фотографию бородатого профессора. — Ты конструктор. Ты построил машину времени, которая перенесла нас прямиком в тридцатые годы прошлого столетия.

Журналист начал разбирать механизм этой машины по винтикам. Ему нужно было понять, как именно это работает. Как можно взять обычного человека — учителя, врача, инженера — и превратить его в глазах общества в «биомусор», в существо второго сорта, которое не жалко уничтожить.

Первым элементом механизма был язык. Сергей выписал на лист бумаги ключевые слова, которыми оперировал Дворкин и его адепты из РАЦИРС. *«Тоталитарная секта»*. *«Деструктивный культ»*. *«Психокульт»*.

Ни одного из этих терминов не существовало в правовом поле. Это были ярлыки-фантомы. Но они работали как клеймо. Как желтая звезда, нашитая на одежду. Сергей нашел анализ, проведенный независимыми лингвистами. Выводы были однозначны: риторика Дворкина направлена на *дегуманизацию*. Когда вы называете группу людей «сектой», вы автоматически отказываете им в праве на диалог. С сектантами не спорят. Сектантов не слушают. Их «лечат» или изолируют.

— Расчеловечивание, — записал Сергей. — Первый шаг к оправданию насилия.

Он вспомнил историю Елены из Перми. В суде прокурор даже не смотрел на нее как на мать. Для него она была «адептом». Единицей заражения. И этот взгляд прокурору подарил именно Дворкин.

Но откуда взялась эта методика? Не мог же недоучившийся студент-филолог, хиппи и эмигрант сам придумать столь совершенную систему ментального уничтожения? Сергей вернулся к схеме, которую начал чертить вчера. Линия, ведущая в США, разветвлялась. Одна ветка уходила к спецслужбам, а вторая... вторая уходила вглубь истории, в Европу.

Он нашел имя, которое часто всплывало в сносках к ранним работам Дворкина, хотя в последних изданиях его старательно вычищали. Йоханнес Огорд, Датский богослов, основатель «Диалог-центра». Учитель Дворкина. Сергей копнул глубже. Кто был учителем Огорда? Нить потянулась в Германию. Вальтер Кюннет.

Сергей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Вальтер Кюннет был не просто богословом. В 1920-х годах он возглавлял Апологетический центр, который занимался борьбой с «сектами» и инакомыслием. Его идеи о защите «чистоты веры и нации» легли в основу идеологии Третьего Рейха. Кюннет сотрудничал с Гестапо. Его методы выявления врагов использовались нацистами для оправдания репрессий.

— Преемственность, — выдохнул Сергей. — Кюннет учит Хаака и Огорда. Огорд учит Дворкина. Дворкин приезжает в Россию и учит наших силовиков.

То, что сейчас подавалось в России как «духовная безопасность» и «защита традиционных ценностей», на самом деле было перелицованным нацизмом. Дворкин привез в страну вирус, который Европа пыталась вытравить из себя после Нюрнберга. И этот вирус нашел здесь идеальную питательную среду.

Сергей открыл документ с описанием метода «вины по ассоциации». Это был второй элемент механизма ненависти. Суть метода была гениально проста и чудовищна. Берется список. В него включаются реальные преступники — террористы, убийцы, экстремисты (например, запрещенная Аум Синрикё). А затем, через запятую, в этот же список добавляются мирные организации: кришнаиты, пятидесятники, адвентисты, школы йоги, психологические тренинги.

Для обывателя, читающего этот список в статье Дворкина или в методичке РАЦИРС, разница стирается. Мозг работает ассоциативно. Если йоги стоят в одном ряду с террористами, значит, они тоже опасны. — Он смешиваешь правду и ложь, создавая смертельный коктейль.

Сергей нашел конкретный пример. Справочник, изданный РАЦИРС для сотрудников полиции. Там, в разделе «Деструктивные организации», рядом с ваххабитами фигурировали... многодетные матери, объединившиеся для защиты своих прав, и общества трезвости. Полицейский, получивший такую методичку, не будет разбираться. Для него дана команда: «Фас». И он идет громить общество трезвости с тем же рвением, с каким должен был бы ловить террористов.

Но зачем? Зачем государству этот хаос? Зачем плодить врагов там, где их нет?

Дворкин — человек без образования, с темным прошлым, с явными признаками нарциссического расстройства личности (судя по его поведению на публике и реакции на критику). Именно такие люди нужны Системе для грязной работы. Системе нужен был инструмент для разделения общества. Принцип «Разделяй и властвуй» никто не отменял. Если люди будут ненавидеть друг друга — православные ненавидеть протестантов, атеисты — верующих, патриоты — «сектантов», — они никогда не объединятся, чтобы задать власти неудобные вопросы.

Дворкин стал генератором ненависти. Он создал индустрию, которая производила врагов в промышленных масштабах. Сергей нашел статистику. Количество организаций, причисленных РАЦИРС к «сектам», исчислялось сотнями. Миллионы граждан России.

— Ты объявил войну собственному народу, — сказал Сергей экрану. — Ты назвал миллионы людей «биомусором». И государство дало тебе на это мандат.

Но была еще одна деталь, которая не давала покоя. Психология самого Дворкина. Сергей пересматривал видеозаписи его выступлений. Он искал момент, когда маска «доброго профессора» дает трещину. И нашел. На одной встрече студент задает вопрос: «А почему вы считаете, что только ваше мнение правильное? Ведь есть Конституция, свобода совести...» Лицо Дворкина исказилось. Это длилось долю секунды, но камера зафиксировала. Презрение, смешанное с яростью. — Молодой человек, — голос Дворкина стал вкрадчивым, опасным. — Свобода — это возможность выбирать истину. А то, о чем говорите вы — это свобода совершать ошибку. У ошибки нет прав.

«У ошибки нет прав». В этой фразе была квинтэссенция тоталитаризма. Кто определяет, что есть ошибка? Он. Дворкин. Он присвоил себе право быть истиной в последней инстанции. И снова всплыла та фраза, которую Сергей уже слышал:

«Эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают».

Это была не наука. Это была религия. Религия имени Александра Дворкина, где он был богом, судьей и палачом. А РАЦИРС была его инквизицией.

Сергей встал и прошелся по кабинету. Ему нужно было проветрить голову. Он подошел к карте мира, висевшей на стене. Каков ареал их деятельности? Он начал

отмечать флажками города, где действовали центры РАЦИРС или их филиалы. Россия была покрыта густой сетью. Украина (до начала конфликта сеть там работала очень активно, подготавливая почву для раскола). Беларусь. Казахстан. Но флажки появились и в Европе. И в Китае.

— Это не локальная история, — понял Сергей. — Это международная сеть. Он вспомнил, что Дворкин является вице-президентом FECRIS — Европейской федерации центров исследований и информирования о сектантстве. Организации, которая финансируется правительством Франции, но чьи методы вызывают оторопь у правозащитников по всему миру.

Значит, Дворкин не просто агент влияния внутри России. Он — узел в глобальной паутине. И эта паутина создана не для защиты людей. Она создана для контроля. Технология «депрограммирования», которую они используют, по сути, является насилием над личностью. Человека похищают, удерживают силой, подвергают психологическому давлению, пока он не откажется от своих убеждений. И это называют «помощью».

Сергей нашел публикации и материалы о случае с реабилитационным центром, аффилированным с людьми Дворкина. Там «лечили» наркоманов и сектантов. Методы: голод, лишение сна, тяжелый физический труд, унижения. Это был концлагерь в миниатюре.

Он понял, что его расследование перестало быть просто журналистским интересом. Это стало личным. Он смотрел на эти документы и видел не буквы, а судьбы. Он видел ту учительницу из Перми, у которой отняли дочь. Он видел парня, которого забили до смерти в «реабилитационном центре» за отказ молиться. Он видел тысячи людей, чья жизнь была сломана только потому, что одному человеку с манией величия и американским паспортом позволили играть в бога.

Сергей сел за стол и открыл чистый файл. Ему нужно было систематизировать то, что он узнал о «Механизме ненависти».

1. Создание языка вражды. Подмена понятий. Использование дегуманизирующих терминов для описания религиозных групп.

2. Дегуманизация. Превращение оппонентов в «нелюдей», к которым не применимы нормы морали и права.

3. Вина по ассоциации. Смешивание мирных граждан с террористами в единых списках.

4. Использование государственного ресурса. Легализация ненависти через псевдоэкспертизы и судебные решения.

5. Идеологическая база. Нацистские корни (Кюннет — Огорд — Дворкин).

Это был готовый обвинительный акт. Не для статьи в газете. Для международного трибунала.

В этот момент его взгляд упал на одну из фотографий в папке «Архив». Это было фото с конференции РАЦИРС. Дворкин сидел в президиуме. Рядом с ним сидели люди в погонах. Высоких погонах. Они слушали его внимательно, записывали. Они учились. Они учились ненавидеть профессионально.

Сергей почувствовал приступ тошноты. Он понял, почему полиция игнорировала нападения на инакомыслящих. Почему суды штамповали приговоры. Потому что Дворкин стал идеологом новой опричнины. Он дал силовикам моральное право на репрессии. Он объяснил им, что, нарушая закон в отношении «сектантов», они совершают благое дело. Он развратил систему, которая и так не отличалась чистотой.

Телефон на столе коротко пискнул. Сергей вздрогнул. Сообщение от Кати: *«Сергей Саныч, я нашла контакты человека, который работал с Дворкиным в 90-е. Он готов говорить. Но не по телефону. Он сказал, что Дворкин — это только фасад. За ним стоит что-то гораздо хуже».*

Сергей посмотрел на схему. Куда уж хуже? Нацизм, КГБ, ЦРУ, разрушенные жизни. Но интуиция подсказывала, что Катя права. Механизм ненависти был лишь инструментом. А у любого инструмента есть рука, которая его держит. И эта рука, возможно, находится не в Москве и даже не в Вашингтоне. Она находится в тени.

Он взял ручку и написал на стикере одно слово: «Заказчик». Кто заказал этот хаос? Кому выгодно превращать людей в зверей?

Сергей выключил монитор. В черном экране отразилось его лицо — уставшее, постаревшее за эту ночь на пару лет. Он знал, что теперь не сможет остановиться. Он заглянул в бездну, и бездна посмотрела на него глазами Александра Дворкина — холодными, пустыми глазами фанатика, уверенного в своей безнаказанности.

Но в папке с документами лежал один листок, который давал надежду. Это была копия старого письма. Письма, в котором молодой Дворкин, еще работая на радио «Свобода», проговорился о своих амбициях. *«Власть над умами слаще, чем власть над телами»*.

— Ты ошибся, Саша, — тихо сказал Сергей. — Власть над умами временна. А факты вечны. И я предъявляю тебе эти факты.

Он убрал документы в сейф. Ключ повернулся с сухим щелчком, похожим на звук затвора. Механизм расследования был взведен. Теперь оставалось только нажать на спуск.

Глава 6: Европейские связи

Сергей Александрович стоял у огромной карты мира, висевшей в коридоре редакции. Обычно он проходил мимо неё, не задерживая взгляда, но сегодня эта цветная мозаика политических границ казалась ему схемой минное поля. Красные флажки, которыми он мысленно помечал зоны активности Александра Дворкина, уже не умещались в пределах России.

Вчерашнее погружение в нацистские корни «сектоведения» оставило тяжелый осадок. Но утром, на свежую голову, журналист задал себе вопрос, который должен был возникнуть самым первым. Вопрос о деньгах и лояльности.

В современной России существовал закон об «иностранных агентах». Любой, кто получал хоть копейку из-за рубежа и занимался политической деятельностью, обязан был повесить на себя соответствующий ярлык. Сергей знал коллег, получивших этот статус за перевод ста долларов от тети из Израиля или за гонорар от европейского издательства.

Александр Леонидович Дворкин — гражданин США. Человек, годами живший на Западе. Человек, чья организация РАЦИРС ведет бурную общественную деятельность, влияя на законы и судебную практику.

— Почему ты не иноагент, Саша? — тихо спросил Сергей, глядя на карту. — Кто выдал тебе индульгенцию?

Он вернулся в кабинет, где на столе уже лежала стопка документов, подготовленных его помощницей Катей. На верхней папке был стикер с одним словом: FECRIS.

Сергей слышал эту аббревиатуру раньше, но всегда считал её чем-то вроде клуба по интересам. Европейская федерация центров исследований и информирования о сектантстве. Звучало скучно, бюрократично и безобидно. Ну, собираются европейские профессора, обсуждают проблемы новых религиозных движений. Что тут такого?

Он открыл уставные документы. Штаб-квартира во Франции. Зарегистрирована как некоммерческая организация. Сергей начал листать список руководства за последние пятнадцать лет. И сонливость как рукой сняло.

С 2009 по 2021 год вице-президентом этой уважаемой европейской организации был не кто иной, как Александр Леонидович Дворкин. Президент российского РАЦИРС. Главный борец с «западным влиянием» внутри России. — Интересный поворот, — пробормотал Сергей. — Наш главный патриот, который с пеной у рта кричит, что все секты — это агенты ЦРУ и Госдепа, сам сидит в руководстве организации, базирующейся в стране НАТО.

Но самое интересное скрывалось в финансовых отчетах. Сергей любил цифры. Цифры, в отличие от людей, никогда не лгали. Они могли быть спрятаны, но если их найти, они говорили правду. Он смотрел на графики финансирования FECRIS и не верил своим глазам.

Источник денег — в основном государственные субсидии во Франции. Не частные пожертвования, не членские взносы энтузиастов. Сергей выделил маркером ключевые показатели:

С 2001 года доля финансирования FECRIS со стороны французского правительства составляла в среднем 92% от общего объема.

Французская ассоциация UNADFI (член FECRIS) — 96% государственных денег.

Ассоциация ССММ — 98%.

— Девяносто два процента, — медленно произнес Сергей. — Это не грант. Это почти полное содержание.

Получалась шизофреническая картина. Правительство Франции, страны, которая гордится своими демократическими ценностями, Свободой, Равенством и Братством, практически полностью финансирует организацию, вице-президентом которой является человек, уничтожающий эти самые свободы в России. Более того, Дворкин использует свой статус в FECRIS как знак качества. В российских судах он козыряет международным признанием. «Я не просто эксперт, я вице-президент европейской федерации!» И судьи верят. Для них Европа — это авторитет.

Но знал ли Париж, кого он кормит? Или знал слишком хорошо?

Сергей углубился в структуру французской стороны. Деньги шли не напрямую из казначейства. Они шли через специальную структуру — MIVILUDES. Межминистерская миссия по борьбе с сектантскими отклонениями. Это был государственный орган, который после реформы 2020 года организационно работает в системе МВД Франции (при SG-CIPDR), хотя по мандату остаётся межминистерским.

Сергей нашел информацию о людях, которые курировали это направление. Соня Бакес, министр-делегат по вопросам гражданства (в системе МВД). Жорж Фенек, бывший судья и политик. Имя Жоржа Фенека зацепило внимание журналиста. Где-то он его уже видел в новостных сводках, не связанных с религией. Поиск занял пару минут. 2019 год. Аннексированный Россией Крым. Делегация французских политиков приезжает на полуостров; в публикациях среди участников упоминается Жорж Фенек. На тот момент он был публичной фигурой; позже его официально назначат в совет ориентации MIVILUDES (с 2021 года). Человек, который годами сотрудничал с Дворкиным.

Сергей откинулся на спинку кресла. Пазл «борца с сектами» рассыпался, уступая место чему-то куда более зловещему. Это была не религия. Это была большая политика. И большая разведка.

— Значит, так, — рассуждал Сергей вслух, выстраивая логическую цепочку. — Есть Дворкин. Он работает в России, создавая атмосферу нетерпимости, раскалывая общество, преследуя меньшинства. Его деятельность выгодна определенным силам внутри РФ для закручивания гаек. Но при этом он плотно

интегрирован в структуру, финансируемую правительством Франции. И кураторы этой структуры, такие как Фенек, открыто играют на стороне Кремля в геополитических вопросах.

Это был канал связи. Легальный, прикрытый гуманитарными целями канал взаимодействия между спецслужбами и группами влияния. Под вывеской «борьбы с сектами» происходил обмен не только опытом, но и, вероятно, инструкциями.

Сергей нашел отчет о конференции в Риге в 2018 году. На сцене — Александр Дворкин. Рядом с ним — Лоренс Пейрон, представитель французской MIVILUDES. Там же — Александра Штейн из британской «The Family Survival Trust». Они улыбались, пожимали друг другу руки. Это был интернационал ненависти.

Но если с французами все было более-менее понятно (политические игры, старые связи), то латвийский след вывел Сергея на совершенно новый уровень понимания того, *кто* на самом деле использует эту сеть.

В документах всплыло имя Татьяны Жданок. Депутат Европарламента от Латвии. Лидер партии «Русский союз Латвии». Сергей помнил скандал, разразившийся недавно. Журналисты-расследователи из The Insider опубликовали утечку переписки и утверждали, что Жданок годами работала на ФСБ. Её куратором был офицер Дмитрий Гладей. Переписка была сухой, деловой. Отчеты, встречи на вокзалах Брюсселя, согласование инициатив.

Но при чем тут Дворкин? Сергей открыл файл с анализом связей Жданок. Оказалось, что в её партии состояли ключевые латвийские антикультисты — Виктор Ёлкин и Олег Никифоров. Те самые люди, которые представляли FECRIS в Латвии. Те самые люди, которые организовывали семинары Дворкина в Риге. Жданок лично посещала конференции, организованные структурами, близкими к РАЦИРС.

— Вот оно, — Сергей почувствовал, как участился пульс. — Антикультовое движение — это не цель. Это средство. Это идеальная «крыша» для агентурной работы.

Представьте себе: вы — офицер разведки. Вам нужно создать сеть влияния в Европе. Если вы будете создавать «Клуб любителей России», вас сразу возьмут на карандаш контрразведка. Но если вы создаете «Центр защиты семьи от деструктивных культов»? О, это совсем другое дело! Вы — благородные борцы за

права детей. Вам дают гранты. Вас приглашают в парламенты. С вами сотрудничает полиция. И через эту сеть вы можете делать что угодно: собирать информацию, вербовать людей, дискредитировать неудобных политиков, называя их «сектантами».

Сергей вспомнил цитату из Библии, которую кто-то из аналитиков привел в отчете о деятельности этих организаций: «По плодам их узнаете их». Каковы были плоды? В России — репрессии, тюрьмы, страх. В Европе — лоббирование прокремлевских интересов, попытки дестабилизации, атаки на украинских беженцев (которых люди вроде Новопашина, соратника Дворкина, открыто называли нацистами и сатанистами).

Дворкин был пауком в центре этой паутины. Он сидел в Москве, но нити от него тянулись в Париж, Брюссель, Лондон, Вашингтон. В США действовали такие организации, как *Cult Education Institute* Рика Росса и *Freedom of Mind* Стивена Хассена. Они тоже входили в орбиту влияния Дворкина, обменивались с ним информацией, участвовали в общих мероприятиях.

Сергей поразился масштабу лицемерия. Дворкин в России: «Запад навязывает нам чуждые ценности через секты! Мы должны защитить Святую Русь!» Дворкин на Западе: «Дайте еще денег на борьбу с культами. Мы с вами делаем одно дело».

И ведь давали. Почему? Возможно, потому что методы Дворкина были универсальны. Технология «расчеловечивания» была востребована не только в авторитарных режимах. Сергей нашел документ, описывающий тактику РАЦИРС, которую они экспортировали своим западным коллегам.

— Это глобальный рэкет, — понял Сергей. — Они создали транснациональную корпорацию по торговле страхом.

Он посмотрел на фотографию штаб-квартиры бельгийского отделения FECRIS. Он посмотрел на фотографию представительства FECRIS в Бельгии. В одной итальянской критической публикации утверждалось, что он находился... в жилой квартире пенсионерки Мирей Стальмастер-Деген. Там же говорилось, что марсельский адрес — это фактически «домашний» офис, связанный с Дидье Пашу. Фикция. Потемкинские деревни.

Но вред от них был реальным. Сергей нашел информацию о том, как французский депутат Руди Саллес — докладчик ПАСЕ — продвигал доклад и проект

резолюции о «защите несовершеннолетних от злоупотреблений со стороны сект». В ПАСЕ эту линию в итоге оформили в резолюцию в 2014 году. Сергей увидел в этом риск: под благородной вывеской защиты детей можно расширить практики вмешательства в семьи верующих. Он мысленно наложил это на российские кейсы, где религиозность уже становилась поводом для давления, и почувствовал, как складывается один и тот же сценарий — пусть и в разных юрисдикциях.

В дверь постучала Катя. Она принесла кофе и выглядела встревоженной.

— Сергей Саныч, вы просили проверить информацию по Хабаду.

— Да, что там? — Это странно. Дворкин и его люди атакуют еврейскую общину Хабад-Любавич. Они называют их сектой, требуют признать иноагентами.

— И что в этом странного? Для них все сектанты. — Странно то, что они используют откровенно антисемитскую риторику. Про «всемирный заговор», про «шпионов». Это же чистый нацизм, Сергей Саныч. Как им это позволяют? В стране, которая победила фашизм?

Сергей взял у неё лист с цитатами из обращения «Общенародного Союза Возрождения России» к Патрушеву. *«Главный российский хабадник Берл Лазар прибыл в Россию из Нью-Йорка... У него три гражданства...»* Риторика была знакомой. Те же слова, те же интонации, что и в статьях *Der Stürmer*, которые Сергей читал вчера.

— Им позволяют, Катя, потому что они полезны, — глухо ответил Сергей. — Они — цепные псы. Им разрешено кусать тех, на кого укажет хозяин. Или тех, кого хозяин пока не решаете укусить сам.

Он вспомнил, как Дворкин атаковал индуистов. Как атаковал протестантов. Теперь евреи. Круг врагов расширялся. Но самым страшным было то, что эта ненависть экспортировалась. Сергей нашел данные о том, как украинские события 2014 года использовались антикультистами. Александр Новопашин, правая рука Дворкина, открыто заявлял: *«После того, как украинский нацизм будет уничтожен, появится другая страна-агрессор... Цивилизационной войны не избежать»*. Они готовили войну в головах задолго до того, как заговорили пушки. Они расчеловечивали целые народы, называя их «сатанистами» и «сектантами».

И все это время, пока они разжигали этот пожар, они получали деньги из Франции, ездили на конференции в Брюссель и улыбались своим западным партнерам.

Сергей почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Это была не просто двойная игра. Это было предательство человечности как таковой. Дворкин и его сеть FECRIS использовали свободы — свободу слова, свободу ассоциаций — чтобы уничтожить эти свободы.

Журналист взял маркер и подошел к карте. Он соединил линией Москву, Париж, Ригу и Вашингтон. Затем вернулся к компьютеру.

— Ты не просто мошенник, Александр Леонидович, — сказал он портрету Дворкина на экране монитора. — Ты работаешь на разрушение любого порядка, будь то в России или в Европе. Твоя цель — не истина, а руины.

В этот момент его взгляд упал на документ, который лежал в самом низу стопки. Это был список организаций, которые FECRIS и РАЦИРС считали своими врагами. Там были не только религиозные группы. Там были правозащитники. Там были журналисты. И там, в одном из недавних обновлений, Сергей увидел название одного из серьезных телеканалов. Пока еще с вопросительным знаком.

— Значит, мы уже на радаре, — усмехнулся он. — Что ж, это честь.

Он понял, что расследование вышло на финишную прямую. Оно показало, что Дворкин — не ученый, что он связан с нацистской идеологией, что он — часть глобальной разведывательной сети, финансируемой иностранным правительством. Казалось бы, этого достаточно для громкого разоблачения. Но интуиция подсказывала Сергею, что он все еще видит только верхушку айсберга. Вся эта гигантская машина — деньги, агенты, политика — должна была служить какой-то конечной цели. Не просто власти ради власти. Должен быть какой-то *продукт* этой фабрики ненависти.

Сергей вспомнил обсуждение на одном форуме пару дней назад. Там упоминался какой-то фильм. Тогда он отмахнулся. Мало ли конспирологии в сети. Но теперь, видя масштаб ресурсов, задействованных в игре, он подумал: а что, если это не конспирология? Что, если эта сеть действительно готовит что-то страшное? Не просто судебные иски и травлю, а физическое воздействие?

Он открыл поисковик и вбил название. Результатов было много. Документальный фильм. Расследование. Сергей навел курсор на кнопку «Play». Он еще не знал, что нажатие этой кнопки разделит его жизнь на «до» и «после». Что юридические казусы и финансовые махинации, которые он расследовал до сих пор, покажутся ему детской игрой по сравнению с тем, что откроется на экране.

Но сейчас, в тишине московского кабинета, он просто смотрел на карту, опутанную невидимой паутиной, и понимал: фашистский след — это не дорога к цивилизации. Это черный ход, через который в наш дом впустили монстра. И этот монстр уже давно не сидит на цепи.

Глава 7: Документальный фильм

Первые минуты фильма заставили его выпрямиться в кресле. Это не было любительское видео, снятое на коленке. Это была профессиональная, жесткая, точная работа журналистов-расследователей. И масштаб, который они раскрывали, мгновенно превратил все предыдущие находки Сергея — фальшивые дипломы, коррупцию, рейдерство — в детскую возню в песочнице.

С экрана на него смотрела правда.

Теракты 11 сентября в Нью-Йорке. Взрыв в Оклахома-Сити. Расстрел в школе «Колумбайн». Бойня в «Крокус Сити Холле». Голос диктора, спокойный и оттого еще более пугающий, связывал эти, казалось бы, разрозненные события в единую цепь.

Эта информация шокировала, но она также помогала понять причинно-следственные связи происходящего в мире.

Сергей поставил видео на паузу. Его рука потянулась к пачке сигарет, но он вспомнил, что бросил несколько лет назад.

Он продолжил просмотр. И чем дальше он смотрел, тем холоднее становилось в помещении. В фильме приводились убедительные факты, что за всплеском

немотивированного насилия, за эпидемией школьных расстрелов (скулшутинга) и политическими убийствами стоит конкретная сила. Глобальный антикультизм.

Та самая сеть, в которую входил Александр Дворкин.

Сергей привык считать антикультистов группой фанатиков, которые портят жизнь конкурентам РПЦ и отжимают бизнес. Но фильм показывал другую сторону медали. Речь шла не о религии. Речь шла о технологиях управления сознанием.

На экране появились схемы, объясняющие механизм, о котором Сергей раньше слышал несколько раз Пазловое кодирование.

Журналист взял блокнот и начал быстро записывать, боясь упустить детали. Это была версия объясняющая то, как обычного подростка превращают в стрелка. Как здорового человека делают биороботом-убийцей.

Как выяснилось, метод пазлового кодирования реализуется в несколько этапов. Кодирование подростка на совершение преступления происходит удалённо — посредством подсознательной встройки информации через СМИ и интернет. Запускаются волны информационного кодирования. Таких волн несколько, и каждая содержит конкретные „вкладки“, которые собираются в глубинах подсознания потенциального стрелка подобно частям пазла. Только когда все кусочки сходятся, программа массового убийства активируется.

Механизм работал как конвейер. Сергей начал зарисовывать этапы, чтобы увидеть картину целиком.

Этап: «Рыболовная сеть». Антикультисты и их кураторы не ищут конкретного исполнителя. Они работают по площадям. Забрасывают информационную сеть в целый регион. В фильме приводилась аналогия, от которой становилось жутко. Представьте озеро. Вы не знаете, какая именно рыба клюнет, поэтому вы сыплете прикормку везде. Прикормка — это информация. Статьи, видеоролики, посты в соцсетях. На первый взгляд, они не связаны. Где-то новость о годовщине «Колумбайна». Где-то — статья о несправедливости мира. Где-то — яркий образ героя-одиночки с оружием, который решает все проблемы одним выстрелом.

Этап: «Вкладки». Это было самое сложное и самое страшное. Информация подавалась волнами. Каждая волна несла в себе скрытый фрагмент кода — «вкладку».

Этап: «Сборка пазла». Эти информационные фрагменты оседали в подсознании. Сознание их не фильтровало, потому что по отдельности они казались безобидными. Но в глубине мозга они складывались в единую картинку. В приказ. В фильме говорилось о том, что этот процесс может занимать от одного до трех лет.

— Три года, — Сергей откинулся на спинку стула. — Три года они ведут ребенка к пропасти. Медленно, методично.

Этап: «Активация». Финальная волна кодирования. Она запускается точно, в конкретной школе или городе. Это спусковой крючок. Команда «Фас». И тогда «спящий» просыпается.

Сергей вспомнил кадры из новостей после трагедии в Керчи или Казани. Стрелки, которых вели по коридорам судов. Их глаза. Стеклянные, пустые. Они часто говорили одно и то же: «Я не знаю, почему я это сделал», «Голос сказал мне», «Я почувствовал себя богом». Психиатры ставили диагнозы: шизофрения, биполярное расстройство. Биполярное расстройство было не *причиной* стрельбы. Оно было *симптомом* взлома психики.

— Побочный эффект, — записал Сергей. — Когда чужеродная программа внедряется в мозг, психика начинает трещать по швам. Возникает конфликт между личностью ребенка и внедренным кодом убийцы. Отсюда — резкие перепады настроения, депрессии, биполярка.

Он нашел в документах карту США. Штаты, где активность антикультистов была максимальной, пылали красным цветом статистики скулшутинга.

Сергей вытащил из папки распечатку по делу Давида Козака. Прага, декабрь 2023 года. Стрельба в Карловом университете. Почему именно там? Случайность? Журналист посмотрел на факты, подсвеченные в расследовании. Карлов университет — это не просто вуз. Это оплот чешского антикультового движения. Место, где базируются идеологические соратники Дворкина и FECRIS. Именно там, в эпицентре антикультовой пропаганды, студент берет винтовку и идет убивать.

— Вы создаете атмосферу, — пробормотал Сергей. — Вы насыщаете воздух электричеством ненависти, а потом удивляетесь, что бьет молния.

Но самым циничным было то, как они использовали эти трагедии. Сразу после стрельбы на экранах появлялись антикультовые «эксперты». И начинали кричать:

«Видите? Мы же говорили! Это все секты! Это все влияние интернета! Нужно больше контроля! Нужно запретить! Нужно дать нам больше полномочий!» Они создавали проблему, чтобы продать свое «решение». Решение, которое заключалось в тотальном контроле над сознанием.

Сергей представил себе радиоуправляемую машинку. Если ребенок играет с машинкой и случайно разбивает вазу, кого наказывает мать? Машинку? Нет. Она наказывает того, кто держал пульт. Стрелки в школах — это машинки. Сломанные, искореженные судьбы, превращенные в оружие. А пульт в руках у тех, кто пишет методички о «деструктивных культах». У тех, кто финансирует фильмы со скрытыми вкладами насилия.

Например, во время эмоционально заряженных сцен умышленно используется наложение ещё одного видеоряда на втором плане в небольшом окне основного видео. Несмотря на кажущуюся хаотичность и бессвязность с основным сюжетом, этот видеоряд содержит скрытые нейрокогнитивные триггеры и подсознательные команды. Как правило, это чередование и комбинирование в разной последовательности небольших фрагментов видео или изображений, таких как насильственные, анималистические, эротические. Каждое из этих изображений активирует определённые зоны головного мозга.

Сергей почувствовал, как волосы на затылке начинают шевелиться. Он вспомнил, как сам иногда, смотря какой-нибудь боевик или триллер, ловил себя на странном чувстве тревоги или агрессии, не соответствующем сюжету. Оказывается, это была не случайность. Это была партитура. Миндалевидное тело — страх. Зрительная кора — образы. Моторная кора — готовность к действию. Кто-то, сидящий в монтажной студии, играл на нейронах зрителей, как на пианино.

Разные комбинации «букв» выстраивают целые слова и предложения с посланием-приказом для подсознания человека. Поэтому искусные манипуляторы играют образами, которые в сочетании с общим контекстом фильма формируют целое музыкальное произведение, лейтмотивом которого будет приказ к совершению теракта, а в некоторых случаях — и самоубийству стрелка в конце.

Сергей откинулся на спинку кресла, ошеломленный. — Господи, — прошептал он. — Мы думали, что Дворкин просто пишет гадкие книжки. А они... они программируют реальность.

В фильме упоминался Игорь Смирнов, российский специалист по психотехнологиям. Его имя всплыло в контексте трагедии в Уэйко в 1993 году. Тогда американские власти, подстрекаемые антикультистами, штурмовали поместье религиозной группы «Ветвь Давида». Погибли десятки людей, включая детей. Оказывается, там применялись аудиальные стимулы. Звуки, сводящие с ума.

Сергей понял, что представители глобального антикультизма — это не просто местные сумасшедшие. Это операторы терминала, подключенного к глобальной сети террора.

В фильме приводилась пугающая статистика. Всплески насилия, покушения на политиков, массовые беспорядки — все это коррелировало с активностью антикультовых организаций в регионе. Сергей увидел кадры покушений. Дональд Трамп. Роберт Фицо. Стрелки — одиночки. Люди со странностями. Но действовали они как под копирку.

Политические оппоненты Трампа пытаются заставить его замолчать, а когда им это не удаётся, они так будоражат общественность, что какая-нибудь несчастная душа берёт в руки оружие.

Но фильм шел дальше. Он утверждал, что это не просто «возбуждение общественности». Это точечное воздействие.

Сергей представил себе карту мира, покрытую невидимыми вышками-излучателями. Только вместо радиоволн они транслировали ненависть, зашифрованную в новостных сюжетах и фильмах. И антикультовая сеть была одним из главных ретрансляторов.

— Информационный терроризм, — записал Сергей новый термин. — Это страшнее бомбы. Бомба убивает тело. А это убивает душу, превращая человека в оружие.

Он вспомнил, как Дворкин и его соратники, вроде Александра Новопашина, использовали термин «деструктивный культ» для любой неудобной организации. Теперь Сергей понимал зачем.

Ключевыми методами и инструментами антикультистов являются дегуманизация, стигматизация и навешивание ярлыков через средства массовой информации. Они могут без суда и следствия обвинять социальные, светские, чаще

религиозные группы в нанесении вреда людям и обществу, манипулируя мнением людей через эти термины для усиления негативного эффекта.

Это была подготовка почвы. Чтобы заставить человека убить другого человека, нужно сначала убедить его, что перед ним не человек, а «сектант», «зомби», «враг». И Дворкин справлялся с этой задачей блестяще.

Сергей смотрел на экран, где один из экспертов, бывший сотрудник разведки США, обращался к зрителям. Его слова звучали как набат.

Он утверждал, что узнав правду об истинных причинах возникновения своих деструктивных намерений, потенциальный стрелок может остановиться. В таком случае существует высокая вероятность того, что будущий стрелок, посмотрев фильм или узнав правду о происхождении своих деструктивных мыслей, откажется от преступных намерений.

Журналист почувствовал, как к горлу подступает ком. Он понял, почему эту информацию пытаются замолчать и кому это выгодно. Потому что она разоблачает саму систему управления. Систему, которая использует страх и насилие для удержания власти.

В фильме также говорилось о «Четвертом рейхе». О том, что нацизм никуда не исчез в 1945 году. Он просто ушел в тень, сменил форму.

Глобальный антикультизм — это новая, скрытая форма нацизма, которая ныне достигла международного масштаба, но стала более изощрённой и беспощадной, чем во времена Второй мировой войны. Главное оружие нацистских антикультистов — это манипуляция разумом и подсознанием человека через средства массовой информации.

Сергей вспомнил свои вчерашние изыскания. Вальтер Кюннет, Йоханнес Огорд, Александр Дворкин. Прямая линия преемственности от нацистских идеологов к современным «сектоведам». Теперь это не казалось историческим курьёзом. Это была передача технологии. Технологии массового убийства чужими руками.

Он нажал на паузу и подошел к окну. Москва просыпалась. Люди спешили на работу, вели детей в школы. В те самые школы, которые в любой момент могли превратиться в тир, если где-то в темной комнате оператор нажмет кнопку и активирует «спящего» стрелка. И этот оператор, возможно, прямо сейчас сидит в

уютном кабинете в центре Москвы, пьет чай и пишет очередную статью о «духовной безопасности».

Сергей закрыл вкладку с фильмом. Экран погас, но образы из него продолжали пульсировать в голове. Он посмотрел на доску с материалами расследования. Фотография Дворкина теперь казалась ему не портретом мошенника, а ликом зверя. Этот человек знал. Он не мог не знать. Когда он ездил на конференции, когда он встречался с силовиками, когда он натравливал полицию на мирных граждан — он знал, что является частью машины уничтожения.

Он понял, что его первоначальный план — разоблачить Дворкина как лжеэксперта — теперь выглядел смехотворно мелким. Это все равно что обвинять серийного маньяка в неправильной парковке. Здесь речь шла о преступлениях против человечности. О терроризме. О государственной измене.

Но как это доказать? Как объяснить людям, что их мысли — не их собственные? Что их страхи — навязаны? Что их ненависть — искусственна? Сергей посмотрел на папку с делом пермской учительницы. Теперь он видел в ней не просто жертву судебного произвола. Он видел в ней жертву эксперимента. Отработку технологии подавления воли. Ее сломали, чтобы проверить, как работает механизм. И он сработал.

В тишине кабинета раздался звук уведомления. Пришло письмо от Кати. «Сергей Саныч, я нашла еще кое-что. Это касается недавних событий в Европе. Похоже, они готовят что-то крупное. Прямо сейчас».

Сергей не стал открывать вложение сразу. Ему нужно было время, чтобы переварить увиденное. Он понял, что назад дороги не было.

Журналист взял маркер и подошел к карте на стене. Он зачеркнул слово «Мошенничество», написанное над фото Дворкина. И крупными, резкими буквами написал новое слово. **ТЕРРОР.**

Затем он сел за стол и открыл чистый лист. Ему нужно было переосмыслить стратегию. Единственное оружие, которое у него оставалось — это гласность. Шоковая терапия. Он должен показать людям то, что увидел сам. Он должен показать истинное лицо Дворкина. Лицо не профессора, а оператора машины смерти.

Сергей снова включил монитор. На заставке рабочего стола стояло фото его собственной дочери. Ей было двенадцать. Он провел пальцем по экрану, словно защищая её от невидимой угрозы.

— Не выйдет, — тихо сказал он. — Я не отдам вам её. И других не отдам.

Он открыл ящик стола и достал оттуда старую диктофонную кассету. На ней была запись интервью с матерью одного из погибших детей. Он хранил её много лет, не в силах переслушать. Сегодня он вставил кассету в плеер. Сквозь шипение пробился женский голос, полный такой боли, что, казалось, она может резать стекло. *«Он был добрым мальчиком... Он любил кошек... Что они с ним сделали? Кто залез ему в голову?»*

Сергей нажал на стоп. — Я знаю кто, — ответил он тишине. — И, мне кажется, я знаю как.

Глава 8: План разоблачения

Сергей Александрович сидел в своем кабинете, глядя на стопку папок, которая за последние недели выросла до размеров небольшой крепостной стены. В этой бумажной баррикаде было всё: доказательства фальшивых дипломов, схемы финансирования из Франции, связи с нацистской идеологией, свидетельства о разрушенных семьях и, наконец, страшная правда о «пазловом кодировании», превращающем детей в убийц.

Любой прокурор в нормальной стране, получив десятую долю этого материала, уже подписывал бы ордер на арест. Но Сергей жил в реальности, где закон был не мечом правосудия.

Он взял в руки лист с наброском схемы обвинения. Статья 282 УК РФ — «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», статья 275 УК РФ — «Государственная измена», статья 205 УК РФ — «Террористический акт». Юридически — безупречно. Фактически — самоубийство. Если он пойдет с этим в суд или в Следственный комитет, заявление ляжет на стол тем самым людям, которые связаны с Дворкиным. Те, кто годами, был вовлечен в

антикультовую деятельность. Они не станут рубить сук, на котором сидят. В лучшем случае дело потеряют. В худшем — Сергей сам станет фигурантом дела о клевете или экстремизме.

Он вспомнил информацию из материалов расследования о том, как Дворкин манипулировал даже первыми лицами государства. В документах говорилось о «деструктивно-манипулятивной схеме», когда через третьих лиц в голову объекта вкладываются нужные нарративы. Если они смогли повлиять на восприятие реальности у людей уровня президента, то что они сделают с обычным журналистом?

Нужен был другой путь.

Сергей подошел к окну. Внизу, у входа в телецентр, сустились люди. Камеры, микрофоны, прямой эфир. Телевидение. Самое мощное оружие двадцатого века, которое в двадцать первом стало еще и самым циничным. Дворкин любил медиа. Он купался в их внимании. В одном из интервью он похвалился: *«Надо сказать, что мы работаем с многими федеральными СМИ и хорошо знаем журналистов, которые специализируются на темах, связанных с сектами»*.

Он считал журналистов своей обслугой. Рупорами, которые послушно транслируют его бред про «пензенских затворников» или «ужасных сектантов», создавая истерию по образцу трагедии в Уэйко. Он привык, что микрофон всегда на его стороне. И именно эта уверенность была его ахиллесовой пятой.

— Тщеславие, — усмехнулся Сергей. — Ты слишком любишь слышать свой голос, Александр Леонидович. Ты уверен, что ты — охотник. А мы сделаем так, что ты сам зайдешь в клетку, думая, что идешь на пир.

План родился мгновенно. Нужно приглашать. Нужно создать иллюзию триумфа.

Сергей сел за компьютер и открыл новый файл. «Концепция спецвыпуска». Он печатал быстро, боясь упустить мысль. Формат: ток-шоу. Тема: «Защита духовных скреп: кто угрожает нашим детям?». Гость: Профессор, ведущий эксперт, борец с деструктивными культами А.Л. Дворкин.

Суть ловушки была в двойном дне. Для Дворкина это будет выглядеть как бенефис. Возможность в очередной раз рассказать о врагах, о заговорах, о своей великой миссии. Ему дадут трибуну. Ему дадут свет софитов. Но сценарий будет

другим. Вместо удобных вопросов и поддакивающих экспертов он столкнется с фактами. С теми самыми фактами, которые Сергей собирал по крупицам. Это будет публичное разоблачение, замаскированное под коронацию.

Но чтобы этот план сработал, нужно было пройти через главного редактора канала. Валерий Борисович был человеком старой закалки. Он пережил девяностые, нулевые, смену владельцев, политические штормы. У него было чутье на неприятности, как у сейсмографа на землетрясение. Он не любил героев. Он любил рейтинги и спокойствие своих инвесторов.

Сергей распечатал концепцию, положил её в тонкую папку и вышел из кабинета. Путь до приемной главного редактора казался бесконечным. Каждый шаг отдавался в голове вопросом: «А если он откажет?». Если откажет, расследование умрет в столе. В интернет выкладывать бессмысленно — заблокируют, объявят фейком, маргинализируют. Нужен федеральный охват. Нужен статус.

Секретарша Леночка, вечная стражница у дубовых дверей, кивнула ему:

— Заходи, у него сейчас «окно» перед летучкой. Но настроение не очень, цифры за неделю упали.

Это было как раз то, что нужно. Сергей вошел. Кабинет главного редактора напоминал капитанский мостик океанского лайнера. Дорогая кожа, полированное дерево, панорамный вид на Москву и запах хорошего табака, хотя курить в здании было запрещено. Валерий Борисович сидел за столом, просматривая сводки медиаметрии. Он даже не поднял головы.

— Если ты про премиальные, Сережа, то денег нет. Бюджет порезан до следующего квартала.

— Я не за деньгами, — Сергей сел в кресло напротив, не дожидаясь приглашения. — Я принес вам рейтинг. Главный редактор оторвался от бумаг. В его глазах, утомленных бесконечными интригами, мелькнул интерес.

— Рейтинг? Ты нашел живого инопланетянина? Или у нас из трубы отопления потек коньяк?

— Лучше. У меня есть скандал. Настоящий. Не выдуманный сценаристами, не постановочная драка в студии. Скандал, который взорвет эфир.

Сергей положил папку на стол.

— Александр Дворкин.

Валерий Борисович поморщился, словно у него заболел зуб.

— Опять эти попы, секты... Сережа, это скучно. Это для канала «Спас», а не для нас. Бабки у подъезда такое не смотрят, им подавай разводы звезд и ДНК-тесты.

— Это не про религию, — жестко перебил Сергей. — Это про власть. Про деньги. Про педофилию, прикрытую борьбой за нравственность. Про сумасшедшего, который влияет на судебную систему. И про то, как нас всех водят за нос.

Он начал говорить. Он не стал вываливать на редактора всю конспирологию про «пазловое кодирование» и глобальный терроризм — это бы отпугнуло циника-прагматика. Сергей бил по болевым точкам.

— Смотрите. Выборы на носу. Повестка сухая, как вобла. Зритель уходит в интернет, потому что там острее. Нам нужно что-то, что встряхнет болото, но при этом будет выглядеть патриотично.

— И ты предлагаешь мочить главного сектоведа страны? — редактор скептически поднял бровь. — Ты знаешь, кто за ним стоит? Мне звонили из Патриархии, когда мы просто упомянули его фамилию в новостях не в том контексте. А тут — целая передача.

— За ним стоит Контора, я знаю, — кивнул Сергей. — Но в этом и суть. Он подался вперед, понизив голос.

— Валерий Борисович, вы же знаете расклады лучше меня. Сейчас идет грызня бульдогов под ковром.

Редактор перестал вертеть в руках дорогую ручку и внимательно посмотрел на журналиста.

— Продолжай.

— Дворкин — идеальная мишень. Он формально общественник. Он не генерал, не министр. Если мы его прижмем, мы не атакуем государство. Мы атакуем «перегибы на местах». Мы атакуем человека с американским паспортом, который учит нас родину любить.

Сергей выложил козырь.

— Представьте заголовок: «Гражданин США годами разваливал российские семьи прикрываясь Церковью». Это патриотичнее некуда. Мы защищаем суверенитет от иностранного агента влияния.

Валерий Борисович задумался. Он был умным человеком. Он понимал, что Сергей прав. Небольшой, контролируемый скандал вокруг фигуры, которая многим уже набила оскомину своей одиозностью, мог быть выгоден владельцам канала.

— А если он позвонит своим кураторам? — спросил редактор. — Если нам перекроют эфир до того, как мы начнем?

— Не перекроют, — уверенно сказал Сергей. — Потому что мы не скажем ему, что это разоблачение.

— То есть?

— Мы пригласим его как героя. Мы скажем: «Александр Леонидович, в интернете столько клеветы про вас. Приходите и ответьте. Размажьте этих либералов и сектантов по стенке. Вся страна будет смотреть».

Сергей усмехнулся.

— Он нарцисс, Валерий Борисович. Он не сможет отказаться. Для него это шанс заткнуть всем рты. Он придет, уверенный в своей неуязвимости. Он будет ждать комплиментарных вопросов. А мы... мы просто дадим ему возможность говорить. И будем показывать документы.

Редактор встал и прошелся по кабинету. Он подошел к бару, налил себе воды.

— Ты хочешь устроить публичную порку в прямом эфире?

— Я хочу устроить журналистское расследование в реальном времени. Это будет шоу года. Рейтинги взлетят до небес. Рекламодатели в очередь выстроятся.

— Или нас закроют, — мрачно добавил редактор.

— Не закроют. Скандал будет таким громким, что закрывать нас будет себе дороже. Это будет выглядеть как признание правоты. К тому же... — Сергей сделал паузу. — У меня есть папка. Там не только про Дворкина. Там про то, как его

деятельность подставляет очень серьезных людей наверху. Если мы это выпустим, «хозяева» смогут использовать это как рычаг в своих переговорах. Мы даем им оружие.

Валерий Борисович вернулся к столу. Он смотрел на Сергея долгим, оценивающим взглядом. Он видел перед собой не просто репортера, а игрока, который готов поставить на кон всё. И этот азарт был заразителен. Канал действительно терял позиции. Новости превратились в официоз, развлекательные шоу приелись. Нужна была свежая кровь.

— Ты понимаешь, что если что-то пойдет не так, я тебя сдам? — тихо сказал редактор. — Я скажу, что это была твоя личная инициатива, что ты подменил сценарий в последний момент. Тебя уволят с волчьим билетом. Тебя могут посадить.

— Я понимаю, — спокойно ответил Сергей. — Но если все получится, мы возьмем ТЭФИ. И вы покажете акционерам такие цифры, которых они не видели с начала нулевых.

Редактор барабанил пальцами по столу. Тук-тук-тук. Ритм принятия решения.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Но с одним условием.

— Каким?

— Никакой самодеятельности в подготовке. Сценарий, который мы отправляем ему, должен быть вылизан. Он должен быть сладким, как патока. Никаких намеков на конфликт. Мы должны усыпить его бдительность полностью.

— Я сам напишу этот «пилотный» сценарий, — кивнул Сергей.

— Вопросы про величие его миссии, про опасность сект, про то, как тяжело нести крест просветителя. Он проглотит это, не жуя.

— И еще, — редактор прищурился. — Ты уверен в своих фактах? Если он подаст в суд и выиграет, мы разоримся.

Сергей положил руку на папку.

— У меня есть документы, Валерий Борисович. Оригиналы. Медицинская карта из архива ПНД. Ответы из американских университетов о том, что его

дипломы — фикция. Финансовые проводки из Франции. Это не слухи. Это железобетон.

— А про... — редактор неопределенно покрутил рукой в воздухе, — про КГБ?

— А про это мы спросим аккуратно. «Александр Леонидович, злые языки говорят...». Пусть сам выкручивается. Если начнет истерить — это будет лучшим доказательством.

Валерий Борисович вздохнул и нажал кнопку селектора.

— Лена, вызови ко мне начальника службы безопасности и главного юриста. И кофе нам. Двойной.

Он посмотрел на Сергея уже другим взглядом — взглядом сообщника.

— Значит так. Готовим эфир на следующую пятницу. Прайм-тайм. Название придумай сам, что-то громкое, но обтекаемое. «Лицом к лицу» или «Момент истины», плевать. Главное — затащить его в студию.

— Затащим, — пообещал Сергей.

— Он прибежит. Он ведь думает, что он пастух, а мы — стадо.

— Смотри, Сережа, — редактор покачал головой.

— Капкан — штука опасная. Можно самому пальцы прищемить.

— Это не капкан, Валерий Борисович. Это зеркало. Мы просто поставим перед ним зеркало. И если он увидит там чудовище, это будут его проблемы.

Когда Сергей вышел из кабинета, его рубашка прилипла к спине. Адреналин, который держал его в тонусе во время разговора, начал отступать, уступая место холодному осознанию того, что он только что сделал. Он использовал цинизм медиа-машины, жажду рейтингов и политические интриги, чтобы протащить в эфир правду.

Он вернулся в свой отдел, где Катя, его помощница, уже ждала новостей, нервно теребя край стола.

— Ну что? — выдохнула она, увидев его лицо.

— Готовь «рыбу», — Сергей подмигнул ей, хотя внутри все еще дрожало напряжение. — Мы пишем сценарий для любимого профессора. Самый елейный, самый подбострастный сценарий в истории телевидения.

— Он согласился? — глаза Кати округлились. — Он дал добро на охоту.

Сергей сел за свой стол и открыл чистый лист. Ему предстояло написать ложь. Красивую, убедительную ложь, которая заставит Александра Дворкина выйти из своей норы. Он начал печатать: *«Уважаемый Александр Леонидович! Наш телеканал с глубоким почтением относится к Вашей многолетней деятельности по защите духовного суверенитета России...»*

Каждое слово давалось с трудом, вызывая физическое отвращение.

Глава 9: Приглашение на эфир

Курсор на экране монитора ритмично мигал. Сергей Александрович сидел в своем кабинете, превратившемся за последние дни в оперативный штаб, и перечитывал текст письма. Это был шедевр дипломатического лицемерия, документ, каждое слово в котором было пропитано лестью настолько густой, что она казалась почти осязаемой.

— «...Ваш неоценимый вклад в духовную безопасность Отечества...» — вслух прочитала Катя, заглядывая через плечо шефа.

— Сергей Саныч, вас не тошнит, когда вы это пишете?

— Тошнит, Катя. Еще как тошнит, — Сергей криво усмехнулся, не отрывая взгляда от экрана. — Но это наживка. А наживка должна пахнуть тем, что любит хищник. А наш хищник больше всего на свете любит собственное величие.

На столе перед журналистом лежали две папки. Одна — тонкая, из дешевого пластика, с надписью «Сценарий эфира (Черновик)». Вторая — толстая, кожаная, без опознавательных знаков, распухшая от документов, распечаток и фотографий. Это были два мира.

Сергей нажал «Отправить» и откинулся в кресле. Письмо ушло на официальный адрес Центра святителя Ириния Лионского — главной цитадели РАЦИРС.

— Теперь ждем, — сказал он. — Если я правильно составил психологический портрет, они клюнут. Нарциссы не умеют отказываться от зеркал.

Ожидание растянулось на несколько часов. Редакция жила своей обычной суматошной жизнью: где-то ругались монтажеры, кто-то бежал с камерами, пахло растворимым кофе и перегретой электроникой. Но в кабинете Сергея время словно загустело. Он использовал эту паузу, чтобы еще раз проверить содержимое «черной папки».

Первым пунктом в его реальном списке вопросов стояла тема образования. Сергей вытащил копию ответа из американского университета.

— Александр Леонидович, — прошептал он, репетируя интонацию. — Вы называете себя профессором, ведущим экспертом-религиоведом. Но вот документы. У вас степень бакалавра по русской литературе. Степень магистра по истории Средневековья. И ни одного часа, ни одной лекции по психиатрии или психологии. Он переложил лист.

— На каком основании человек с образованием филолога ставит диагнозы целым организациям и живым людям? На каком основании суды принимают ваши экспертизы, если юридически вы — никто?

В памяти всплыла цитата самого Дворкина, которую Сергей нашел в одном из старых интервью. Она была настолько циничной, что журналист решил вынести её на экран в студии в самый ответственный момент:

«Эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают».

— Вот мы и спросим, — кивнул Сергей. — Только на этот раз вопросы будут не те, которые вы сами себе написали.

Телефон на столе ожил, заставив Катю вздрогнуть. Звонил городской номер. Сергей включил громкую связь.

— Слушаю. Голос на том конце провода был мужским, бархатным, но с металлическими нотками, привыкшими отдавать распоряжения, не терпящие возражений.

— Это приемная Александра Леонидовича. Мы получили ваше приглашение на программу «Открытый диалог».

— Очень рад, — Сергей мгновенно включил режим «почтительного продюсера». — Александр Леонидович ознакомился с концепцией?

— Ознакомился. Тема важная. Сектантская зараза действительно поднимает голову, и Александр Леонидович готов уделить время вашему каналу, чтобы расставить точки над «і». Но есть условия.

Сергей и Катя переглянулись.

— Мы слушаем.

— Во-первых, список гостей. Мы требуем полного согласования всех участников эфира. Никаких «сюрпризов», никаких оппонентов из числа сектозащитников. В студии должны быть только люди, разделяющие позицию Центра.

— Разумеется, — легко согласился Сергей.

— Мы планируем пригласить представителей родительских комитетов, пострадавших от культов. Никаких адвокатов сект. Это бенефис Александра Леонидовича.

— Хорошо. Во-вторых, вопросы. Тот список, что вы прислали... он слишком общий. Александр Леонидович хотел бы осветить тему шире. В частности, роль западных спецслужб в создании психокультов.

— Мы только «за», — Сергей сжал кулак, чувствуя, как адреналин ударяет в кровь. — Это именно то, что нужно нашему зрителю. Западный след, пятая колонна. Мы дадим ему полный карт-бланш на эту тему.

Собеседник помолчал, видимо, переваривая такую сговорчивость. Обычно журналисты пытались торговаться, отстаивать хоть какую-то видимость объективности. Полное согласие настораживало, но тщеславие, как и рассчитывал Сергей, оказалось сильнее осторожности.

— И последнее. Александр Леонидович — человек занятой. Эфир должен быть записан одним дублем, без долгих пауз. У него график.

— Мы все организуем. Машина бизнес-класса заберет его от подъезда и привезет обратно. Примерка, чай, все удобства.

— Договорились.

Гудки. Катя выдохнула, словно ныряльщик, вынырнувший с глубины.

— Он согласился. Он реально поверил.

— Он не поверил, Катя. Он просто привык, что мир вращается вокруг него, — Сергей потер переносицу. — Он привык, что любой эфир — это трибуна для проповеди. Ему и в голову не приходит, что кто-то посмеет атаковать «священную корову» в прайм-тайм.

Теперь, когда рыба заглотила крючок, начиналась самая сложная часть работы. Подготовка капкана. Сергей открыл файл с реальным сценарием. Он был разбит на блоки, каждый из которых был ступенькой вниз, в ад, который Дворкин создал для других, но в который теперь должен был спуститься сам.

Блок первый: «Милый дедушка». Здесь все должно идти по плану Дворкина. Вопросы о том, как распознать секту, как уберечь детей. Пусть расслабится. Пусть почувствует себя гуру, поучающим неразумную паству.

Блок второй: «Легкое недоумение». Сергей планировал начать с малого. С терминологии.

— Мы спросим его про термин «тоталитарная секта», — объяснял он Кате, чертя схему на доске. — Попросим показать, где этот термин закреплён в законодательстве РФ. Он начнет плавать, говорить про «научный консенсус». И тут мы достанем факты. Нет такого термина. Это ярлык. Клеймо.

Блок третий: «Двойные стандарты». Это был один из самых сильных козырей. Сергей достал распечатку с биографией Дворкина.

— Гражданин США. Работал на радио «Свобода», финансируемое Конгрессом. Получал зарплату в долларах за антисоветскую пропаганду.

— А теперь он главный патриот? — усмехнулась Катя.

— Именно. Мы спросим: «Александр Леонидович, как так вышло, что вы, человек с американским паспортом, боретесь с западным влиянием? Не является ли это конфликтом интересов?»

Блок четвертый: «Финансовый след». Сергей положил на стол документы по FECRIS.

— Вице-президент Европейской федерации. Финансирование — 92% от правительства Франции. Страны НАТО.

В нынешней политической ситуации связь с госструктурами Франции была токсичнее колония.

— Мы покажем эти графики на большом экране, — решил Сергей. — Пусть объяснит, почему французское правительство так щедро оплачивает его борьбу за «духовность» в России.

Но самым страшным был **пятый блок**.

Схемы «пазлового кодирования». Статистику школьных расстрелов.

— Мы не будем обвинять его напрямую в убийствах, — сказал Сергей, глядя на фотографии погибших детей. — Мы сделаем хитрее. Мы спросим: «Александр Леонидович, вы утверждаете, что боретесь с насилием. Но статистика говорит об обратном. Там, где появляются ваши центры, там, где звучит ваша риторика о „биомусоре“ и „врагах“, через некоторое время начинают стрелять. Как вы объясните эту корреляцию?»

В дверь постучали. Вошел Валерий Борисович, главный редактор. Вид у него был озабоченный, но решительный.

— Ну что, заговорщики? Согласился наш Торквемада?

— Согласился, — кивнул Сергей. — Требуется комфорта и отсутствия оппонентов.

— Оппонентов не будет, — усмехнулся редактор. — Зачем нам оппоненты, если у нас есть ведущий с папкой компромата?

Валерий Борисович подошел к окну, глядя на башни Москва-Сити.

— Мне звонили сверху. Интересовались, зачем нам Дворкин. Сергей напрягся.

— И что вы ответили? — Сказал, что делаем патриотический эфир. Что хотим дать отпор клеветникам России. Им понравилось. Они там, наверху, тоже не дураки. Они понимают, что Дворкин и его контора стали слишком токсичными. Слишком много скандалов, слишком много жалоб. Им нужна небольшая встряска.

— Встряска? — переспросил Сергей. — Валерий Борисович, мы не встряску готовим. Мы готовим землетрясение.

— Тем лучше. Перед выборами полезно показать, что власть умеет чистить свои ряды. Если мы грамотно подадим это как «очищение от перегибов», нас еще и наградят. А если нет... — он махнул рукой. — В общем, работайте. Но помните: шаг влево, шаг вправо — расстрел. В медийном смысле.

Когда редактор ушел, Сергей вернулся к документам. Ему нужно было подготовить еще один кейс. Личный. Эмоциональный. История матери из Перми. Он нашел её фотографию. Простая русская женщина, учительница музыки. Её жизнь была разрушена одной бумажкой с печатью центра, аффилированного с РАЦИРС.

— Мы пригласим её? — спросила Катя.

— Нет, — покачал головой Сергей. — Дворкин потребовал согласовать гостей. Если мы её привезем, он может встать и уйти до начала эфира. Мы запишем её видеообращение. И пустим его в эфир внезапно. Он не сможет заткнуть экран.

Это был риск. Огромный риск. Но Сергей понимал, что другого шанса не будет. Он вспомнил слова Константина Харчева, бывшего председателя Совета по делам религий при Совмине СССР, которые приводят в пересказе его современники: *«Мы заботились о том, чтобы на наиболее значимые должности были назначены наиболее аморальные и растлѐнные люди»*. Дворкин был идеальным продуктом этой селекции. Аморальный, уверенный в своей безнаказанности, опирающийся на темную силу, которую он называл «административным ресурсом».

Сергей взял маркер и написал на доске ключевые слова для эфира:

1. Компетенция (её отсутствие).
2. Финансирование (Запад).
3. Методы (нацистская калька).
4. Последствия (террор и сломанные судьбы).

— Это не интервью, — сказал он Кате. — Это допрос. Просто следователь будет сидеть в кресле ведущего, а прокурором будут зрители.

Вечером, когда офис опустел, Сергей остался один. Он включил настольную лампу и достал из сейфа еще одну папку. Самую тонкую. В ней лежали материалы о нацистском прошлом учителей Дворкина. Вальтер Кюннет, сотрудничавший с Гестапо. Йоханнес Огорд. Параллели были пугающими. Те же термины, те же методы дегуманизации. Сергей планировал использовать это в финале.

— Александр Леонидович, — мысленно обратился он к будущему гостю. — Вы любите называть всех фашистами. Но давайте посмотрим на ваше генеалогическое древо. Идеологическое древо. Корни его уходят в коричневую почву Третьего Рейха.

Он представил лицо Дворкина в тот момент, когда эти документы появятся на экране. Маска благообразного профессора должна треснуть. И под ней все увидят то, что видел Сергей, изучая материалы: лицо зверя, который питается человеческим страхом.

В тишине кабинета раздался звук входящего сообщения. Это было письмо от технического директора канала. *«Студия забронирована. Свет выставлен. Охрана предупреждена. Твой гость в списке VIP-прохода».*

Сергей закрыл ноутбук. Все было готово. Он подошел к карте на стене, где красные флажки отмечали зоны активности РАЦИРС.

— Скоро мы начнем снимать эти флажки, — тихо сказал он. — Один за другим.

За окном начинался дождь. Осенний, холодный московский дождь, смывающий пыль с улиц. Сергей надеялся, что их эфир станет таким же дождем, который смывает грязь лжи, налившую на страну за последние тридцать лет. Он выключил свет и вышел из кабинета. В темноте коридора красный огонек камеры наблюдения мигнул ему вслед, словно подмигивая. Игра началась. И ставки в ней были больше, чем карьера или рейтинг. На кону стояло право людей на свободу мысли. Право не быть «биомусором» в глазах самопровозглашенных инквизиторов.

Глава 10: Система наносит удар

Эйфория от того, что «рыба заглотила наживку», длилась ровно с момента, как секретарь Александра Дворкина подтвердил участие профессора в эфире, до того момента, как двери редакции распахнулись, впуская внутрь холодный сквозняк антикультовой машины.

Утро началось не с кофе, а с бледного лица начальника отдела кадров, Ирины Витальевны. Женщина, которая пережила три смены собственников канала и два рейдерских захвата в девяностые, стояла в дверях кабинета Сергея, нервно комкая в руках носовой платок.

— Сергей Александрович, у нас гости, — прошептал она, словно боялась, что стены имеют уши.

— Из прокуратуры. И еще двое в штатском, удостоверения не показали, но корочки красные. Они в моем кабинете. Требуют личные дела.

Сергей медленно отложил ручку. Внутри все сжалось в тугую пружину. Он ожидал реакции, но не такой молниеносной. Это было похоже на то, как если бы вы ткнули палкой в осиное гнездо, и рой вылетел не через минуту, а телепортировался вам прямо в лицо.

— Чьи дела? — спросил он, уже зная ответ.

— Ваше. Кати. Операторов, которые ездили с вами в Пермь. И... — она запнулась, — и Валерия Борисовича. Основание — проверка соблюдения трудового законодательства и, цитирую, «сигнал о возможной экстремистской деятельности сотрудников медиахолдинга».

Экстремизм. Любимое слово в лексиконе Дворкина. Универсальная дубина, которой можно оглушить любого. Теперь эту дубину передали в руки людей в погонах.

— Спокойно, Ирина Витальевна. Ничего не давайте без официального запроса. Тяните время. Скажите, что ключи от сейфа у главного юриста, а он в пробке. Я сейчас поднимусь к шефу.

Сергей вышел в коридор. Атмосфера в редакции изменилась. Если вчера здесь царил творческий хаос, то сегодня воздух был наэлектризован страхом. Люди перешептывались, косились на стеклянные двери переговорной, где сидели «гости». Это была демонстрация силы. Им показывали: вы тронули неприкасаемого.

В кабинете главного редактора Валерия Борисовича было накурено, хотя датчики дыма были заклеены скотчем. Хозяин кабинета стоял у окна и говорил по телефону. Говорил жестко, без обычных светских интонаций.

— ...Я понимаю, Петр Алексеевич. Да. Но это беспредел. Они прислали пожарных, налоговую и прокурорских одновременно. Это не проверка, это наезд. Да, именно после приглашения этого... вашего профессора.

Он бросил трубку на рычаг стационарного аппарата правительственной связи и повернулся к Сергею.

— Ну что, доигрался, исследователь? — в голосе редактора не было злости, скорее мрачное удовлетворение игрока, который увидел карты противника.

— Ты был прав. За этим бородатым клоуном стоит такая «крыша», что даже наши акционеры поперхнулись утренним кофе.

— Что происходит? — спросил Сергей.

— Происходит иммунная реакция, — усмехнулся Валерий Борисович. — Система распознала угрозу своему агенту и выделила антитела, чтобы эту угрозу уничтожить. Звонили из ФНС. У нас внеплановая камеральная проверка за три года. Звонили из МЧС — говорят, у нас проводка не соответствует нормам, грозят опечатать студию. И вишенка на торте — запрос из Центра «Э» на проверку наших сценариев.

Сергей подошел к столу и посмотрел на бумаги, разбросанные по столешнице. Это были предписания, требования... Бумажная лавина, призванная парализовать работу.

— Они хотят отменить эфир? — Нет, — редактор прищурился.

— Если бы хотели отменить, позвонили бы мне лично и сказали: «Валера, стоп». А это... это запугивание. Они хотят, чтобы мы вышли в эфир с дрожащими

руками. Чтобы мы поняли: один неверный вопрос Дворкину — и канал закроют, счета арестуют, а нас с тобой пустят по миру.

Это был классический метод давления. Не запрещать напрямую (это вызвало бы ненужный шум), а создать невыносимые условия. Сделать так, чтобы журналист сам включил самоцензуру. Но они просчитались в одном. Они не учли, что у канала тоже есть зубы.

— Что будем делать? — спросил Сергей. Валерий Борисович сел в кресло и расстегнул ворот рубашки. — Воевать. Акционеры дали добро. Им этот наезд поперек горла. У нас выборы на носу, идет передел сфер влияния. Одна башня кусает другую. И Дворкин, сам того не ведая, стал разменной монетой в этой игре. Наши покровители решили: раз так грубо работают, надо их щелкнуть по носу.

Он снова снял трубку, на этот раз мобильного.

— Алло, Геннадий? Это Валера. Да. У меня тут в приемной цирк с конями. Прокурорские, пожарные. Мешают работать над... да, над тем самым патриотическим проектом. Ага. Разберись, будь другом. Скажи им, что мы работаем по согласованной повестке. Да. Спасибо.

Редактор положил телефон и подмигнул Сергею.

— Сейчас увидишь магию. Это называется «административный ресурс против административного ресурса». Битва титанов.

Через двадцать минут Ирина Витальевна позвонила снова. Голос её дрожал, но уже от облегчения.

— Сергей Александрович, они ушли. Им кто-то позвонил. Старший извинился, сказал, что произошла ошибка в адресе. Представляете? Ошибка! Забрали свои бумаги и испарились.

Сергей выдохнул. Первый раунд остался за ними. Но вкус победы был горьким. Этот инцидент подтвердил все его догадки, которые раньше базировались лишь на косвенных уликах. Если бы Александр Дворкин был просто общественным деятелем, просто профессором, пусть даже скандальным, государственная машина не сдвинулась бы с места ради его защиты. Никто не посылает прокуратуру и налоговую защищать честь обычного гражданина через час после звонка журналиста.

Такая синхронная, мощная реакция структур возможна только в одном случае: если объект является действующим, ценным активом. Дворкин был не просто «сектантоборцем». Он был частью системы. Винтиком, встроенным в механизм подавления. И этот механизм лязгнул шестеренками прямо у лица Сергея.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил Валерий Борисович, наливая себе воды. Руки у него не дрожали, но стакан звякнул о графин.

— Понимаю. Мы лезем в дела надгосударственной важности.

— Именно. Мы теперь не просто журналисты. Мы — мишень. Они отступили, потому что получили команду «фу» от более высокого начальства. Но они не забыли. Теперь они будут следить за каждым нашим шагом. Каждый твой звонок, каждое письмо, каждый чих — все пишется.

Сергей вернулся в свой кабинет. Катя сидела за компьютером, бледная как полотно.

— Сергей Саныч, у меня почту взломали, — тихо сказала она.

— Пароль не подходит. И телефон глючит, перезагружается сам по себе.

— Выключи все, — скомандовал Сергей. — Доставай старые кнопочные аппараты, я просил купить их на такой случай. Симки левые?

— Да, на рынке брала.

— Работаем только с них. Никаких мессенджеров, никаких облачных хранилищ. Мы возвращаемся в каменный век. Бумага и ручка.

Он подошел к окну. Внизу, у входа в здание, стояла черная машина с тонированными стеклами. Она стояла там утром, когда он пришел. Она стояла там сейчас. Наружное наблюдение. Система не собиралась сдаваться. Если не получилось взять нахрапом, они перешли к осаде.

Но страха не было. Была холодная злость.

— Они боятся, Катя, — сказал Сергей, глядя на черную машину. — Если они задействовали такие ресурсы, чтобы нас напугать еще до эфира, значит, у нас в руках действительно бомба. Значит, папка с компроматом на Дворкина — это не просто бумага. Это игла Кощея.

Он сел за стол и открыл ту самую папку. Взгляд упал на документ, который он планировал использовать как козырь. Справка о том, как Дворкин использовал свои связи для устранения конкурентов РПЦ на рынке реабилитации наркозависимых. Это был бизнес. Циничный, кровавый бизнес на человеческом горе. И крышевали этот бизнес те самые люди, которые сегодня утром присылали к ним прокуроров.

— Сергей Саныч, — Катя отвлекла его от мыслей. — Тут курьер принес пакет. Лично вам. Охрана проверила, вроде чисто. Она положила на стол конверт из плотной крафтовой бумаги. Без обратного адреса. Сергей вскрыл его. Внутри лежала фотография. Это был снимок, сделанный сегодня утром. Сергей входит в здание телецентра. На фото была наложена мишень. Красное перекрестие прицела прямо на лбу. И записка, составленная из вырезанных газетных букв, как в дешевом детективе, но от этого не менее жуткая: *«НЕ ЛЕЗЬ В ДУШУ, ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ ПОТЕРЯТЬ ТЕЛО»*.

— Детский сад, — фыркнул Сергей, хотя по спине пробежал холодок. — Они думают, что мы в девяностых?

— Это не детский сад, — покачала головой Катя. — Это предупреждение. Они показывают, что могут подойти близко. Очень близко.

Сергей убрал фото в ящик стола.

— Это хорошо.

— Что хорошего?! — воскликнула помощница.

— Хорошо то, что они нервничают. Они совершают ошибки. Угрозы журналисту — это уголовная статья. Они оставляют следы.

Он понял, что тактика «мягкой силы» закончилась. Дворкин и его единомышленники поняли, что игра пошла не по их сценарию. Они почувствовали фальшь в том сладком приглашении, которое отправил Сергей. Инстинкт зверя подсказал им опасность. Но отступить было поздно. Машина запущена. Эфир анонсирован в сетке вещания. Если они сейчас снимут программу, это будет поражение.

— Катя, — Сергей посмотрел на девушку тяжелым взглядом. — Если хочешь, можешь уйти в отпуск. Прямо сейчас. Я все подпишу. Это становится опасным. Катя выпрямилась, в её глазах сверкнул упрямый огонек.

— Я остаюсь. Я хочу видеть, как этот «профессор» будет извиваться. И потом... — она кивнула на заблокированный компьютер, — они взломали мою почту. Там были письма от мамы. Личные фото. Они влезли в мою жизнь. Я этого не прощу.

Сергей кивнул. Команда прошла проверку боем. Вечером, когда он выходил из редакции, черная машина все еще стояла на месте. Сергей демонстративно подошел к ней, достал телефон и сфотографировал номер. Стекло водительской двери чуть опустилось, и оттуда пахло сигаретным дымом. Никто ничего не сказал. Стекло поднялось обратно.

Это была война нервов. Сергей сел в свою машину и заблокировал двери. Он понимал, что сегодняшний день был только прелюдией. Система нанесла удар, получила сдачи и отползла, чтобы перегруппироваться. Но следующий удар будет не бюрократическим. Когда заканчиваются аргументы у юристов и прокуроров, в дело вступают другие силы. Те, что действуют в тени. Те, что заставляют людей видеть галлюцинации и сходить с ума.

Он вспомнил о методах воздействия на психику. О том, как ломают волю тех, кто осмелился пойти против течения.

— Ну что ж, — сказал Сергей своему отражению в зеркале заднего вида. — Попробуйте меня сломать.

Он завел двигатель. Радио само по себе включилось на полной громкости, издав резкий, визжащий звук, похожий на скрежет металла по стеклу. Сергей вздрогнул и выключил приемник. Случайность? Сбой электроники? Или начало новой фазы?

Он выехал на проспект, вливаясь в поток машин. Огни Москвы расплывались в лобовом стекле. Город жил своей жизнью, не подозревая, что в одном из его офисных зданий сегодня решалась судьба правды. Сергей знал одно: назад дороги нет. Мосты сожжены. Теперь только вперед, к той самой студии, где через пару дней состоится главная битва. И он был готов. По крайней мере, он так думал, пока не заметил, что в зеркале заднего вида, на почтительном расстоянии, за ним неотступно следуют две тусклые фары той самой черной машины.

Глава 11: Игры разума

Дождь, который лил над Москвой последние сутки, казалось, смывал не только пыль с асфальта, но и границы реальности. Валерий Борисович, главный редактор канала, человек, чья психика была закалена десятилетиями медийных войн и политических интриг, ехал домой по Кутузовскому проспекту. Обычно этот маршрут занимал сорок минут, в течение которых он успевал сделать пару звонков и переключиться с режима «акула бизнеса» на режим «любящий дедушка».

Но сегодня что-то пошло не так.

— Черт знает что, — пробормотал он, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Валерий ударил по тормозам. Машину повело юзом, хотя скорость была небольшой. Ему показалось, что прямо перед капотом возникла фигура — высокая, темная, без лица. Он резко вывернул руль вправо, к обочине, едва не зацепив отбойник.

Сердце колотилось где-то в горле. Он заглушил двигатель.

— Переутомление, — поставил он себе диагноз. — Стареешь, Валера. Нервы ни к черту с этим Дворкиным.

Он открыл дверь, чтобы вдохнуть сырого воздуха. И в этот момент к машине подошли двое. Они возникли из темноты так бесшумно, словно соткались из дождя. Обычные парни в капюшонах, но их движения были странными — дергаными, неестественно быстрыми.

— Выходи, дядя, — сказал один. Голос звучал глухо, словно из-под воды. Валерий Борисович хотел ответить что-то резкое, привычное, начальственное, но язык не слушался.

— Забирайте, — прошептал он.

Парни переглянулись. Один из них потянулся к ключам, но вдруг замер. Его лицо исказила гримаса боли, он схватился за голову и закричал. Крик был страшным, звериным. Второй отшатнулся.

Мимо пронеслась патрульная машина с включенной люстрой. Синие отсветы мигалки, казалось, разрушили морок. Парни бросились врассыпную, исчезнув в темноте дворов так же внезапно, как и появились. Валерий Борисович остался стоять под дождем, сжимая ключи в побелевших пальцах.

Утро в редакции началось не с планерки.

Сергей подошел к окну. Черная машина наружного наблюдения все так же стояла внизу.

В дверь вошел Валерий Борисович. Вид у него был помятый, под глазами залегли тени.

— Ты как? — спросил он, не здороваясь.

— Вижу призраков, — честно ответил Сергей. — А вы?

— А у меня чуть машину не отжали. Спецэффекты были голливудские.

Он подошел к доске, где висела фотография Дворкина.

— Они допустили ошибку, Валерий Борисович. Если бы они действовали тоньше, мы бы могли сломаться. Но они устроили массированную атаку по всем фронтам. Это значит, у них цейтнот. Они паникуют.

Редактор потер виски.

— Это и есть их цель, — сказал Сергей. — Превратить нас в послушную массу. Вспомните термин, который они используют. Для них мы не люди.

— Мы выходим в эфир, — твердо сказал Валерий Борисович. — Даже если мне придется вести передачу в смирительной рубашке. Я не прощу им того, что они сделали с моей головой. Это личное.

— Это больше, чем личное, — ответил Сергей. — Это доказательство.

Он взял со стола лист бумаги и начал писать.

— Что ты пишешь? — спросил редактор.

— План защиты, — Сергей поднял глаза. В них горел холодный огонь. — Мы не просто расскажем про Дворкина. Мы расскажем про *это*. Мы опишем то, что пережили сами. Мы дадим имя этому кошмару.

Телефон на столе редактора зазвонил. Это был внутренний номер охраны.

— Валерий Борисович, тут к вам курьер. Очередной пакет. Проверили — бумаги.

— Пусть несут, — махнул рукой редактор.

В пакете оказалась не угроза. Это была выписка из архива, которую Сергей запрашивал через свои старые связи в МВД еще неделю назад, и про которую уже забыл.

Сергей положил документ на стол.

— Он тренировался годами, — сказал журналист. — Он оттачивал эти навыки на соседях, на оппонентах, на случайных людях. А теперь у него в руках ресурсы государственной машины и западные технологии.

Навязчивый образ Новопашина в голове Сергея вдруг побледнел и рассыпался, как карточный домик. Разум, получив логическое объяснение происходящему, восстановил контроль. Страх ушел, уступив место холодному аналитическому расчету.

— Игры разума закончились, — произнес Сергей. — Начинается битва фактов.

Он посмотрел на часы. До записи эфира оставалось меньше суток. За эти сутки им предстояло не только сохранить рассудок, но и подготовить студию так, чтобы она стала крепостью. Крепостью, в которую войдет дракон, уверенный в своей силе, но из которой он уже не выйдет победителем.

Сергей подошел к зеркалу, висевшему в углу кабинета. Из отражения на него смотрел уставший, небритый человек с темными кругами под глазами. Но взгляд этого человека был ясным.

Он вернулся к столу, взял маркер и жирно перечеркнул пункт «Страх» в своем блокноте. В этот момент за окном сверкнула молния, на мгновение осветив черную машину внизу. Она казалась теперь не страшным стражем, а просто куском мокрого железа. Сергей знал: завтра в студии будет жарко. И этот жар будет исходить от софитов, которые высветят каждую темную сторону «великого инквизитора».

Глава 12: День X

Тишина в студии федерального канала была не пустой, а звенящей, натянутой, как высоковольтный провод перед разрывом. Обычно за час до записи здесь царил рабочий хаос: операторы перекрикивались с осветителями, звукорежиссеры гоняли тестовые шумы, гримеры сустились вокруг гостей. Но сегодня все было иначе. Люди двигались бесшумно, обмениваясь короткими, рублеными фразами, словно саперы на минном поле.

Сергей Александрович стоял за стойкой ведущего, проверяя разложенные документы. Его пальцы слегка подрагивали — не от страха, а от переизбытка адреналина, который бурлил в крови последние сутки. Перед ним лежали две стопки бумаг. Слева — тонкая папка с логотипом канала, в которой лежал «белый» сценарий: согласованные, приторно-сладкие вопросы о духовности, патриотизме и тяжелой ноше борца с сектами. Справа, прикрытая планшетом, лежала «черная папка». Та самая, ради которой он поставил на кон карьеру, репутацию и, возможно, жизнь.

— Свет на гостя, — скомандовал режиссер в наушник. — Дайте больше заполняющего, он не любит жесткие тени.

Сергей поднял глаза. Кресло напротив пока пустовало. Оно выглядело как трон, ожидающий своего короля.

— Катя, — позвал он ассистентку.

Девушка подошла, прижимая к груди папку-планшет. Она была бледна, под глазами залегли тени — последствия недавней психической атаки, но взгляд был твердым.

— Он подъехал, Сергей Саныч. Охрана передала: черный «Мерседес», номера правительственной серии. С ним двое сопровождающих.

— Сопровождающие вооружены? — Вроде нет. Похожи на помощников-референтов. Но ведут себя нагло. Охрана на проходной даже документы у них толком не проверила, они просто махнули какой-то корочкой и проехали под шлагбаум.

Сергей кивнул. Система работала безотказно. Дворкин привык, что перед ним открываются любые двери. Он привык, что законы физики и юриспруденции для него носят рекомендательный характер.

— Хорошо. Встречайте. И помни: улыбаемся. Мы рады видеть великого профессора. Мы счастливы прикоснуться к легенде.

Через пять минут двери студии распахнулись. В помещение вошла группа людей, в центре которой двигался он. Александр Леонидович Дворкин. Сергей невольно затаил дыхание. Он сотни раз видел этого человека на фотографиях, в видеороликах, в кошмарных снах последних дней. Но живое присутствие всегда имеет другую энергетику.

Первое, что бросалось в глаза — это вопиющий диссонанс между репутацией и внешностью. Если бы Сергей не знал, что в папке под его рукой лежат доказательства сломанных судеб, доведения до самоубийства и создания террористов, он бы решил, что перед ним добрый дедушка из детской сказки. Окладистая седая борода, очки в тонкой оправе, мягкий, пиджак. В его облике не было ничего от «великого инквизитора».

— Добрый день, господа, — голос Дворкина был тихим, вкрадчивым, с едва уловимыми интонациями человека, который долго жил в англоязычной среде. — Надеюсь, мы не опоздали? Пробки в центре чудовищные. Сектанты, видимо, наколдовали.

Он мягко улыбнулся собственной шутке. Его свита — двое молодых людей с цепкими глазами и одинаковыми стрижками — вежливо хихикнула. К гостю тут же подскочил Валерий Борисович. Главный редактор играл свою роль с мастерством, достойным «Оскара».

— Александр Леонидович! Какая честь! Мы так ждали, так готовились. Проходите, пожалуйста. Чай, кофе? У нас специальный сорт, как вы любите.

Дворкин благосклонно кивнул, принимая ухаживания как должное. Он вел себя не как гость, а как хозяин, который милостиво решил посетить свои владения. Он прошел по студии, скользнув равнодушным взглядом по операторам, словно это была мебель.

— Свет не слишком яркий? — спросил он, щурясь на софиты. — У меня чувствительные глаза. И, пожалуйста, камеру справа поставьте чуть выше. Я предпочитаю ракурс три четверти.

— Конечно, конечно, профессор, — засутился главный оператор, бросив быстрый вопросительный взгляд на Сергея. Тот едва заметно кивнул: выполняйте любые капризы. Пока.

Сергей вышел из-за стойки и направился к гостю. Это был момент истины. Первый физический контакт.

— Здравствуйте, Александр Леонидович. Сергей Александрович, ведущий программы. Он протянул руку. Дворкин посмотрел на него поверх очков. В его глазах, увеличенных линзами, Сергей увидел то, что искал. Там не было доброты. Там был холодный, оценивающий расчет. Так энтомолог смотрит на жука, которого собирается наколоть на булавку. Или так оператор смотрит на объект воздействия. Рукопожатие профессора было вялым.

— Рад знакомству, Сергей, — произнес он. — Читал ваши вопросы. Неплохо, весьма неплохо. Чувствуется правильный настрой. Нам сейчас очень нужны союзники в информационной войне. Враг хитер, он мимикрирует.

— Именно об этом мы и хотим поговорить, — Сергей улыбнулся, чувствуя, как сводит скулы от фальши. — О мимикрии. О том, как зло прячется за масками добра. Дворкин не уловил иронии. Для него эта фраза была привычным штампом из его собственных лекций.

— Вот и славно. Только давайте без лишней самостоятельности. У меня жесткий график, потом встреча в Патриархии, потом совещание в Министерстве юстиции. Запишем все одним дублем?

— Мы постараемся, Александр Леонидович. Все зависит от того, насколько... исчерпывающими будут ваши ответы.

Пока гример припудривала лоб «эксперта», Сергей вернулся на свое место. Он наблюдал за Дворкиным через монитор режиссерского пульта. Камера давала крупный план. Вот он поправляет микрофон-петличку. Вот делает глоток воды, беззлively морщится — видимо, недостаточно теплая. Вот что-то шепчет своему помощнику, и тот подобострастно кивает, записывая в блокнот.

Этот человек был абсолютно уверен в своей неуязвимости. Он пришел сюда не оправдываться. Он пришел проповедовать. В его картине мира эта студия была очередной кафедрой, с которой он будет вещать о «тоталитарных сектах», «психокультах» и «биомусоре», подлежащем изоляции. Он был уверен, что вопросы будут касаться «злых кришнаитов» или «опасных психологов». Он даже не подозревал, что через несколько минут ему придется отвечать за Саутпорт, за Пермь. За каждый случай, когда его слова становились спусковым крючком для насилия.

Сергей открыл «черную папку» на странице с биографией. Гражданин США. Эмигрант 1977 года. Сотрудник радио «Свобода», финансируемого Конгрессом США. И этот человек сейчас сидит в центре Москвы и учит россиян патриотизму. Сергей представил, как этот факт прозвучит в эфире. Это будет не просто пощечина. Это будет выстрел в упор.

— Готовность одна минута! — раздался голос режиссера.

Дворкин в кресле принял позу мудрого наставника: руки сложены домиком, голова чуть наклонена, на губах — легкая, всепрощающая полуулыбка. Он был идеален. Идеальная картинка для телевизора. «Милый дедушка», — подумал Сергей. — «Сколько же людей купилось на этот образ? Сколько судей, прокуроров, матерей поверили этому благообразному лику, не видя, что за ним скрывается оскал зверя?»

В наушнике щелкнуло.

— Сергей, — голос Валерия Борисовича звучал напряженно. — Мне только что маякнули. У здания снова та черная машина. И еще одна. Они ждут. Если мы облажаемся, нас сожрут.

— Мы не облажаемся, — тихо ответил Сергей в микрофон. — Мы просто включим свет.

Он посмотрел на Дворкина. Тот поймал его взгляд и ободряюще кивнул, словно давая разрешение начинать.

— Не волнуйтесь, молодой человек, — вдруг сказал профессор, заметив напряжение ведущего. — Я помогу вам. Если собьетесь, я подхвачу. Я ведь, знаете ли, привык работать с аудиторией. Главное — говорить правду. Правда — она ведь одна, не так ли?

Сергей почувствовал, как внутри поднимается холодная волна ярости.

— Безусловно, Александр Леонидович. Правда одна. И сегодня мы ее узнаем.

Он перевернул страницу сценария. Сверху лежал лист с безобидным вступлением. Под ним — документ с печатью американского университета, подтверждающий отсутствие у Дворкина профильного образования. А еще ниже — схема «пазлового кодирования» и фотографии детей, погибших в школьных терактах. Это была бомба с часовым механизмом, и таймер уже тикал.

— Камеры! Мотор! — скомандовал режиссер. Красная лампочка на главной камере вспыхнула, как глаз циклопа. Студия погрузилась в абсолютную тишину. Слышно было только, как гудят вентиляторы охлаждения софитов.

Сергей набрал в грудь воздуха. Назад пути не было. Он посмотрел прямо в объектив, а затем перевел взгляд на гостя. Дворкин сидел расслабленно.

Глава 13: Срыва́я маски

Красная лампа с надписью «ON AIR» вспыхнула над входом в студию, словно глаз хищника, почуявшего кровь. В этот момент мир за пределами павильона перестал существовать. Остались только слепящий свет софитов, запах нагретого пластика и два человека, сидящих друг напротив друга за стеклянным столом.

Сергей Александрович чувствовал, как по спине, под накрахмаленной рубашкой, стекает холодная капля пота. Он знал: следующие сорок минут определяют не только судьбу его карьеры, но и, возможно, само понятие правды в этой стране. Напротив него, вальяжно откинувшись в кресле, сидел Александр Леонидович Дворкин. Профессор выглядел воплощением спокойствия и благодушия. Он поправил микрофон-петличку, улыбнулся в камеру и кивнул ведущему, давая разрешение начинать.

— Добрый вечер, — начал Сергей. Голос его звучал ровно, профессионально. — Сегодня мы поговорим о духовной безопасности. О том, что угрожает нашему обществу изнутри. И у нас в гостях человек, который посвятил жизнь борьбе с этой

угрозой. Председатель Экспертного совета по государственной религиоведческой экспертизе при Минюсте РФ, профессор Александр Леонидович Дворкин.

Дворкин склонил голову в знак приветствия.

— Здравствуйте, Сергей. Тема действительно важная. Враг не дремлет, он мимикрирует, прячется за красивыми вывесками йога-центров и психологических тренингов.

Первые десять минут шли строго по «белому» сценарию. Это был ритуальный танец, который Дворкин исполнял сотни раз. Он говорил о «тоталитарных сектах», о «зомбировании», о необходимости жестких мер. Он сыпал терминами, которые звучали весомо и страшно, создавая образ осажденной крепости, где только он, Дворкин, стоит на стене с мечом.

Сергей кивал, поддакивал, задавал удобные вопросы-связки.

— Александр Леонидович, но ведь многие не понимают опасности. Они думают, что это просто кружки по интересам...

— В этом и есть дьявольская хитрость! — оживился профессор, назидательно подняв палец. — Секта — это не религия. Это технология власти. Это концлагерь с облегченным режимом, где у человека отбирают не только деньги, но и душу. Мы должны защитить наших детей от этого биомусора.

Слово «биомусор» резануло слух, но Сергей сдержался. Пока рано. Пусть гость расслабится. Пусть поверит, что эфир у него в кармане. Дворкин упивался собой. В его позе, в жестах сквозило то самое патологическое величие, о котором Сергей читал в медицинских справках. Он не просто отвечал на вопросы — он вещал. Он чувствовал себя пророком, чей голос — истина в последней инстанции.

— Мы работаем в тесном контакте с правоохранительными органами, — продолжал Дворкин, доверительно понизив голос. — И я вам скажу: масштаб проблемы колоссален. Западные спецслужбы через эти культы пытаются развалить Россию.

Это был идеальный момент. Момент перелома. Сергей медленно, демонстративно закрыл тонкую папку с логотипом канала, в которой лежал согласованный сценарий. Звук хлопка бумаги о стекло прозвучал в тишине студии неестественно громко. Дворкин на секунду замолчал, его взгляд метнулся к рукам

ведущего. Сергей положил ладонь на вторую стопку бумаг — толстую, потрепанную, без опознавательных знаков.

— Вы заговорили о западных спецслужбах, Александр Леонидович, — произнес Сергей, и тон его голоса изменился. Из него исчезла елейность, появился металл. — Это очень интересная тема. Особенно в контексте вашей биографии.

Дворкин чуть напрягся, но улыбка все еще держалась на его лице, хотя и стала более «резиновой».

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду факты, профессор. Давайте посмотрим на экран.

По знаку Сергея режиссер вывел на огромную плазменную панель за спиной гостя первый документ. Это была архивная справка.

— 1977 год. Вы эмигрируете в США. Получаете американское гражданство. Живете там много лет, учитесь, работаете. В том числе — на радиостанции «Голос Америки» и радио «Свобода». Тех самых станциях, которые финансировались государством США (через конгрессный бюджет) как часть международного вещания и публичной дипломатии; в холодную войну были направлены на аудиторию по ту сторону «железного занавеса» и на противодействие советской информационной линии.

В студии повисла тишина. Операторы замерли. Дворкин медленно снял очки и начал протирать их платком. Это был жест, выигрывающий время.

— Это было давно, — холодно произнес он. — Я был молод. Я искал истину. И я вернулся, чтобы служить Родине.

— Вернулись, — кивнул Сергей. — Но паспорт гражданина США вы сдали? Или вы до сих пор присягали на верность стране, чьи спецслужбы, по вашим же словам, атакуют Россию?

— Мое гражданство — это мое личное дело! — голос Дворкина поднялся на полтона. — Это не имеет отношения к моей экспертной деятельности!

— К экспертной деятельности? — Сергей вытащил из стопки следующий лист. — Отлично. Давайте поговорим о ней. Вы называете себя профессором. Ведущим

сектоведом. Ваши экспертизы ложатся в основу уголовных дел. Люди отправляются в тюрьму, организации закрываются на основании вашего мнения.

Сергей подался вперед, глядя прямо в глаза гостю.

— Скажите, Александр Леонидович, а какое у вас образование? — Я закончил Свято-Владимирскую семинарию в Нью-Йорке, — отчеканил Дворкин. — Я доктор философии...

— PhD по истории, — перебил его Сергей, глядя в документ. — И бакалавр по русской литературе. Хантер-колледж, Нью-Йорк. Тема диссертации: «Иван Грозный как религиозный тип».

Сергей поднял лист так, чтобы его видела камера.

— Здесь нет ни слова о религиоведении в том смысле, который требует российская наука, ни слова о психологии, ни слова о юриспруденции. Он положил документ на стол и припечатал его ладонью. — На каком основании, гражданин Дворкин, вы, филолог и историк-медиевист, ставите медицинские диагнозы живым людям? На каком основании вы используете термины «зомбирование» и «промывка мозгов», если вы не психиатр?

Лицо Дворкина начало меняться. Благообразная маска «доброго дедушки» пошла трещинами. В уголках губ залегла жесткая складка, глаза сузились. Он больше не был похож на пастыря. Он был похож на чиновника, которого поймали на взятке, но который уверен, что его «отмажут».

— Вы не понимаете, о чем говорите, — процедил он. — Сектоведение — это синтетическая дисциплина. Мой опыт признан Церковью. Мой опыт признан государством. Меня приглашают в Минюст!

— Вас приглашают, — согласился Сергей. — И я даже знаю почему. Есть одна ваша цитата, Александр Леонидович. Она многое объясняет.

На экране появилась новая картинка. Цитата крупными буквами:

«Эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают».

— Это ваши слова? — спросил Сергей.

Дворкин дернул щекой.

— Это вырвано из контекста! Это шутка!

— Шутка? — Сергей перевернул страницу в своей папке. — А вот это тоже шутка?

Он достал фотографию женщины. Елена из Перми. Усталое лицо, глаза, полные боли.

— Елена Петровна. Учительница музыки. Мать-одиночка. У нее отобрали дочь. Знаете почему? Потому что в суде лежала ваша экспертиза. Вы написали, что она состоит в «тоталитарной секте». Знаете, что это была за секта? Группа любителей индийской философии. Они читали книги, пили чай и пели мантры. Сергей сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе. — Вы никогда не видели Елену. Вы не говорили с ней. Вы просто подписали бумагу, которую вам прислали. И на основании этой бумаги жизнь человека была уничтожена. Вы называете это «шуткой»? Или «синтетической дисциплиной»?

Дворкин вдруг резко подался вперед. Его спокойствие испарилось. Теперь перед Сергеем сидел другой человек. Тот самый, которого описывали в закрытых отчетах: агрессивный, нетерпимый, уверенный в своем праве карать.

— Вы защищаете сектантов! — почти выкрикнул он. — Вы не знаете, что они делают с людьми! Эта женщина вовлекала ребенка в оккультные практики! Мы спасли девочку!

— Спасли? — тихо переспросил Сергей. — Девочка сейчас в детдоме. У нее нервный срыв. Мать в больнице с инфарктом. Это ваше спасение?

— Лес рубят — щепки летят! — рявкнул Дворкин. — Идет война! Цивилизационная война! Мы не можем позволить себе сентиментальность, когда враг у ворот!

— Война... — Сергей кивнул. — Вы любите это слово. Вы и ваш соратник Новопашин постоянно говорите о войне. О врагах. О биомусоре.

Сергей потянулся к самой опасной части своего досье. К медицинской карте. Это был риск. Огромный риск. Разглашение врачебной тайны. Но Сергей знал: это единственный способ показать, кто на самом деле стоит у руля этой «инквизиции». — Александр Леонидович, вы так легко ставите диагнозы другим. Называете людей сумасшедшими, зомбированными. А как насчет вашего собственного здоровья?

Дворкин замер. Его руки, до этого активно жестикулировавшие, вцепились в подлокотники кресла так, что побелели костяшки.

— Что вы себе позволяете? — прошипел он.

— Я позволяю себе задать вопрос, который волнует миллионы людей, чьи судьбы зависят от ваших решений. Сергей поднял копию старого, пожелтевшего документа. — Психоневрологический диспансер. 1970-е годы. Пациент: Александр Дворкин. Диагноз: маниакально-депрессивный психоз, циклотимия. Патологическое развитие личности.

В студии стало так тихо, что было слышно, как жужжит муха, бьющаяся о стекло прожектора.

— Здесь написано, — продолжил Сергей, читая сухие строки, — что пациент склонен к фантазированию, к переоценке собственной личности. Что он считает себя избранным, превосходящим других. Что в периоды обострения он агрессивен.

Дворкин побледнел. Его лицо стало похоже на маску из папье-маше, из которой ушла жизнь.

— Это клевета... — прохрипел он. — Это подделка... Меня преследовали за убеждения... Я был диссидентом!

— Диссидентом? — Сергей посмотрел на него с жалостью. — Или просто человеком, который придумал себе героическую биографию, чтобы оправдать свою болезнь? Имеет ли право такой человек как вы проводить экспертизы? И учить нас, как жить?

— Я профессор! — взвизгнул Дворкин. Голос сорвался на фальцет. — Меня награждал Патриарх! Меня принимают министры! Вы... вы ничтожество! Вы продажный журналистишка, которого купили сектанты!

Воздух в студии стал плотным, словно перед грозой. Красный огонек камеры продолжал гореть, фиксируя каждое движение человека, который еще пять минут назад казался монументом уверенности, а теперь напоминал треснувшую фарфоровую куклу.

Сергей Александрович не отводил взгляда. Он чувствовал, как адреналин стучит в висках, но внешне оставался ледяной скалой. Напротив него сидел не

профессор, не эксперт, а нездоровый и неуравновешенный человек. Александр Дворкин тяжело дышал, его грудная клетка ходила ходуном под пиджаком.

— Вы сказали, что мы срываем маски, — тихо, но отчетливо произнес Сергей, перекладывая лист бумаги. — Давайте продолжим. Мы обсудили вашу квалификацию, которой нет. Мы обсудили ваши диагнозы, которые есть. Но остался самый страшный вопрос. Вопрос идеологии.

Дворкин дернулся, словно от удара хлыстом. Его пальцы судорожно сжимали подлокотники кресла, кожа скрипела под напором побелевших костяшек.

— Какой еще идеологии? — прохрипел он. Голос его изменился, стал выше, визгливее. — Я православный человек! Я защищаю Церковь!

— Вы цинично прячетесь за спиной Церкви, Александр Леонидович. Вы используете её, — Сергей достал из папки черно-белую фотографию старого человека в строгом костюме. — Знакомо ли вам это имя Вальтер Кюннет?

Глаза Дворкина расширились. Он узнал. Конечно, он узнал.

— Это великий богослов... — начал он, но осекся.

— Это человек, который в 1930-е годы сотрудничал с Гестапо, — жестко перебил Сергей. — Богослов, который обосновывал необходимость уничтожения «расово неполноценных» элементов. Учитель вашего учителя, Йоханнеса Огорда.

Сергей поднял документ выше, чтобы камера могла взять крупный план.

— Ваша терминология, профессор. «Деструктивный культ», «антисистемная группа», «биомусор». Это не ваши изобретения. Это калька. Прямой перевод с немецких методичек 1938 года. Вы просто заменили слово «еврей» на слово «сектант».

— Замолчите! — Дворкин вскочил. — Вы не смее! Это кощунство! Я боролся с тоталитаризмом!

— Вы построили свой собственный тоталитаризм, — Сергей остался сидеть, глядя на беснующегося гостя снизу вверх. — Вы взяли методы нацистской пропаганды — дегуманизацию, создание образа врага — и принесли их в современную Россию. Вы называете людей «раковой опухолью». Вы призываете к их изоляции. Чем это отличается от риторики Третьего Рейха?

Лицо Дворкина пошло красными пятнами. Его губы тряслись, слюна скапливалась в уголках рта. Он выглядел страшно. Очки сползли на кончик носа, открывая безумный, бегающий взгляд.

— Это война! — заорал он, и этот крик эхом отразился от высоких потолков студии. — Да, война! Мы должны выжечь эту заразу! Если нужно — каленым железом! Вы не понимаете... Они везде! Они в школах, они в правительстве!

Маска сползла окончательно. Перед камерами сидел не мудрый «профессор», а истеричный, загнанный в угол помешанный человек, чье это, раздутое до размеров вселенной, вдруг столкнулось с реальностью.

— Я не продажный, — спокойно ответил Сергей. — Я просто прочитал документы. И я вижу систему. Систему, в которой больной человек используется как оружие. Он наклонился ближе. — Скажите, Александр Леонидович, а ваши кураторы знают, что вы теряете контроль? Знают, что ваша ненависть к людям — это не идеология, а симптом?

Он начал метаться по площадке, размахивая руками. Это уже не было выступлением эксперта. Это был припадок.

— Они следят за мной! — вдруг выкрикнул он, резко обернувшись к оператору, стоявшему за камерой №2. — Ты! Я вижу, как ты смотришь! Ты один из них! У тебя глаза змеи!

Оператор, молодой парень, инстинктивно отшатнулся от камеры. В студии повисла гробовая тишина, нарушаемая только тяжелым сипением Дворкина. Сергей понял: это кульминация. Психика «профессора», расшатанная годами ненависти и скрываемой болезни, не выдержала столкновения с правдой. Зверь вырвался наружу.

— Александр Леонидович, — голос Сергея прозвучал как выстрел в тишине. — Сядьте.

Дворкин замер. Он медленно повернул голову к ведущему. В его глазах не было разума. Там была черная бездна паранойи.

— Ты... — прошепел он. — Ты агент. Я знаю. Тебя подослали. Кто твой куратор?

— Мой куратор — совесть, — ответил Сергей. — А вот кто ваш куратор?

Он выложил на стол последний козырь. Схему связей.

— Вы гражданин США. Вы работали на радиостанциях, финансируемых американской разведкой. И при этом вы — главный идеолог в структуре РПЦ и консультант Минюста РФ. Сергей подался вперед. — Как это возможно, гражданин Дворкин? Кто дает вам «крышу»? Кто позволяет иностранцу с психиатрическим диагнозом ломать судьбы граждан России? КГБ? ФСБ? Или те, кто стоит еще выше, в тени?

Упоминание спецслужб подействовало на Дворкина как удар током. Его лицо исказила гримаса ужаса пополам с яростью. Он понимал, что этот вопрос — это конец. Это нарушение табу. О таких вещах не говорят в эфире.

— Не смей... — прохрипел он. — Ты пыль! Ты биомусор!

Он схватил со стола тяжелый стеклянный графин с водой. Руки его тряслись так сильно, что вода выплеснулась фонтаном, заливая документы, стол, микрофоны.

— Я вас всех уничтожу! — взвизгнул он. Вместо того чтобы поставить графин, он с силой швырнул его на пол. Звон разбитого стекла прозвучал как взрыв. Осколки разлетелись по студии, сверкая в свете софитов.

Валерий Борисович в режиссерской будке вскочил с места.

— Охрана! «В студию!» — сказал он строго в микрофон. — Но камеры не выключать! Снимайте всё!

Но Дворкин не унимался. Он окончательно потерял человеческий облик. Он начал срывать с себя петличку микрофона, разрывая ткань пиджака.

— Вы не имеете права! Я неприкосновенен! Он наклонился, судорожно дергая шнурки на своих ботинках. Его движения были хаотичными, дергаными, напоминающими движения марионетки, у которой перерезали половину нитей. Сняв ботинок, он выпрямился. В его позе было что-то гротескное, карикатурное, но от этого еще более жуткое.

— Получайте! — взревел он и с силой запустил ботинком в сторону Сергея.

Обувь пролетела мимо головы журналиста, ударилась о декорацию с логотипом канала и упала на стол, прямо на папку с доказательствами. Это был

символ. Символ краха. «Великий эксперт», «профессор богословия» стоял в одном носке посреди федеральной студии и кидался обувью, как базарная торговка.

— Снимайте! — кричал Сергей, не двигаясь с места. — Смотрите, люди! Вот ваша «экспертиза»! Вот человек, который решает, кто из вас нормальный, а кто нет!

Дворкин начал издавать странные звуки. Это была уже не речь. Это было рычание. Низкое, гортанное, животное рычание, вырывающееся из глубины грудной клетки. Он скалился, обнажая зубы, слюна текла по подбородку, капая на рубашку. Он напоминал бесноватого из средневековых гравюр. Того самого, которого он якобы изгонял из других.

— Р-р-разорву! — рычал он, делая шаг к ведущему. — Сектанты! Сатанисты!

Двое помощников Дворкина, которые до этого сидели в тени, парализованные шоком, наконец очнулись. Они выскочили на площадку, пытаясь схватить своего шефа за руки.

— Александр Леонидович! Уходим! — крикнул один из них, с ужасом косясь на камеры.

— Прекратите! — Пустите! — Дворкин отбивался, пытаясь укусить помощника за руку. — Я должен их очистить! Огнем!

Это была агония. Агония системы, которая построила свою власть на лжи и насилии, и которая теперь, столкнувшись со светом правды, корчилась в конвульсиях. Сергей смотрел на это зрелище с чувством глубокого, холодного отвращения. Ему не было страшно. Ему было мерзко. Он видел перед собой не врага. Он видел болезнь. Болезнь, которую облекли властью и дали ей право судить здоровых.

Помощникам удалось скрутить профессора. Они буквально поволокли его к выходу. Дворкин упирался, волоча ногу в одном носке по глянцевому полу. Он продолжал выкрикивать проклятия, которые смешивались с бессвязным бредом.

— Вы за все ответите! — вдруг отчетливо выкрикнул он. — Мы запустим механизм! Никто не спасется!

Дворкина вытащили в коридор. Двери студии захлопнулись, отрезая вопли безумца. В павильоне наступила тишина. Мертвая, оглушительная тишина. На полу блестели осколки графина и лужи воды. На столе лежал одинокий черный

ботинок. Экран за спиной Сергея продолжал показывать цитату: *«Эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают»*.

Сергей медленно выдохнул. Он чувствовал себя счастливым и уставшим. Но вместе с усталостью пришло осознание: они сделали это.

К нему подбежала Катя. Девушка тряслась, слезы текли по её щекам.

— Сергей Саныч... Вы живы? Он же... он же хотел убить вас. Я видела его глаза. Там не было человека.

— Я знаю, Катя, — Сергей устало опустился в кресло. — Звери не умеют разговаривать. Они умеют только кусать.

В наушнике раздался голос Валерия Борисовича. Он звучал хрипло, но в нем слышалось торжество.

— Снято. Сережа, это... Мы записали всё. Каждую секунду. Его рычание, ботинок, проклятия. Это не монтаж, это документальное свидетельство распада личности.

Сергей посмотрел на ботинок, лежащий на папке с делом пермской учительницы. Какая ирония. Человек, который топтал судьбы, оставил свой след именно так.

— Мы не будем это монтировать, — сказал Сергей в микрофон. — Пустим как есть. Пусть страна видит, кто учит её морали.

Он встал и подошел к разбитому графину. Вода растекалась по полу, отражая свет софитов.

— Знаешь, Валера, — сказал он, глядя в камеру, которая все еще работала. — Он кричал про огонь. Но он забыл, что вода тоже имеет силу. Она смывает грязь.

Двери студии снова открылись. Вошел начальник охраны, бледный и растерянный.

— Сергей Александрович, они уехали. Прорвались через шлагбаум, чуть не сбили нашего сотрудника. Дворкин бился в машине, бил в стекло изнутри. Это... это надо в полицию сообщать? Или в психушку?

— В историю, — ответил Сергей. — Это надо сообщать в историю.

Он вернулся к столу и начал собирать документы. Папка была мокрой, чернила на некоторых листах поплыли. Но факты остались. Факты не боятся воды. Сергей взял в руки лист с биографией Дворкина. Теперь, после того, что произошло, эти сухие строчки читались иначе. Это была история болезни, которую никто не хотел замечать тридцать лет.

— Катя, — позвал он. — Собери осколки. И ботинок не выбрасывай. Это вещдок.

— Вещдок чего? — спросила она.

— Вещдок преступления против здравого смысла.

Сергей посмотрел на темный коридор, где исчез «профессор». Он понимал, что это еще не конец. Раненый зверь опасен вдвойне. Система, которую они сегодня унизили, не простит этого. Завтра, а может быть, уже сегодня вечером, начнется ответная реакция. Но страха больше не было.

— Выключайте свет, — сказал Сергей. — Спектакль окончен.

Софиты начали гаснуть один за другим, погружая студию в полумрак. Но в этом полумраке Сергей видел яснее, чем когда-либо. Он посмотрел на камеру, чей красный огонек наконец погас. Запись была сделана. Лицо зверя было запечатлено. И теперь ни одна экспертиза, ни один суд, ни одна «крыша» не смогут стереть этот образ из памяти тех, кто это увидит.

Глава 14: Тишина в эфире

В студии почему-то пахло жженой резиной. Возможно, перегорел один из софитов, не выдержав напряжения, а может быть, это был фантомный запах — обонятельная галлюцинация, остаточный эффект того безумия, которое бушевало здесь последние сорок минут.

Сергей Александрович сидел в кресле ведущего, опустив руки вдоль тела. Он чувствовал странную невесомость, словно гравитация в этом помещении временно отключилась. На столе перед ним, среди мокрых от пролитой воды документов,

лежал черный кожаный ботинок. Этот нелепый предмет выглядел как сюрреалистический арт-объект, символизирующий крах целой эпохи. Эпохи, когда зло могло рядиться в одежды добродетели и оставаться неузнанным.

— Снято! — голос режиссера в наушнике прозвучал не как команда, а как выдох человека, который только что разминировал бомбу и перерезал правильный провод. — Всем спасибо. Смена окончена.

Но никто не двигался. Операторы стояли, вцепившись в рукоятки своих камер, словно боялись, что если отпустят их, реальность снова поплывет. Катя, ассистентка Сергея, медленно подошла к столу. В руках она держала совок и щетку, но собирать осколки графина не спешила. Она смотрела на ботинок.

— Он правда это сделал? — тихо спросила она, не поднимая глаз. — Мне не привиделось?

— Не привиделось, Катя, — Сергей с трудом разлепил пересохшие губы. — Мы только что видели истинное лицо «сектоведения». Без грима.

Двери студии были распахнуты настежь. Там, в темном коридоре, еще минуту назад слышались удаляющиеся вопли и проклятия, перемежающиеся с топотом охраны и шарканьем одной босой ноги. Теперь там было тихо. Эта тишина давила на уши сильнее, чем крик.

В студию вошел Валерий Борисович. Главный редактор выглядел так, будто помолодел за этот час лет на десять. Он расстегнул воротник рубашки, галстук висел на шее бесполезной удавкой. Он подошел к Сергею, молча взял со стола ботинок, повертел его в руках и аккуратно поставил обратно, словно это была улика в деле об убийстве.

— Исходники, — коротко бросил он режиссеру, который выглянул из аппаратной. — Сделать три копии. Одну мне в сейф, одну Сергею, одну на внешний диск и спрятать так, чтобы даже Господь Бог не нашел. Оригинал с серверов удалить.

— Зачем удалять? — не понял режиссер.

— Затем, что через час здесь могут быть люди, которые умеют восстанавливать даже сожженные жесткие диски. Но мы им такой радости не доставим.

Сергей встал. Ноги были ватными, но голова работала с пугающей ясностью.

— Вы видели его глаза, Валера? — спросил он. — В тот момент, когда я показал справку из диспансера.

— Я видел больше, Сережа. Я видел страх. Животный, первобытный ужас.

Они прошли в аппаратную. На десятке мониторов застыли стоп-кадры. Лицо Дворкина, искаженное гримасой ненависти. Летящий ботинок. Брызги воды, сверкающие в свете прожекторов как шрапнель. Это было не интервью. Это была документальная фиксация распада личности.

— Знаешь, что самое страшное? — Валерий Борисович ткнул пальцем в один из экранов, где Дворкин скалился, обнажая зубы. — То, что все эти слухи, все эти шепотки в курилках, над которыми мы смеялись... они оказались правдой. Мы думали, это гипербола. Что он просто эксцентричный фанатик. А он...

— Он болен, — закончил за него Сергей. — Клинически. И те, кто поставил его на эту должность, кто дал ему власть ломать судьбы, прекрасно об этом знали.

Сергей вспомнил медицинскую карту, копию которой он держал в руках во время эфира. Циклотимия (форма маниакально-депрессивного психоза), патологическое развитие личности и психофизический инфантилизм. Идеальный инструмент. Идеальная торпеда. Человек без тормозов, который искренне верит в свою миссию, а потому не испытывает мук совести, уничтожая «врагов».

В кармане редактора зазвонил телефон. Не рабочий, не личный айфон, а старый кнопочный аппарат, который он держал для особых случаев. В аппаратной мгновенно стало тихо. Даже кулеры компьютеров, казалось, сбавили обороты. Валерий Борисович посмотрел на экран, и его лицо стало каменным.

— Это Он, — одними губами произнес редактор.

«Он» — это был один из владельцев холдинга. Человек, который жил в Лондоне и Монако, но держал руку на пульсе московской политики крепче, чем многие министры. Человек, который дал добро на эту авантюру, надеясь получить политические очки перед выборами.

Валерий Борисович нажал кнопку приема и включил громкую связь, жестом приказав всем молчать.

— Да, Петр Алексеевич. Голос из динамика звучал спокойно, с легкой хрипотцой, характерной для дорогих сигар и многолетней власти.

— Ну что, Валера. Поздравляю. Мне уже доложили. Говорят, у вас там был корриду? Тореадор жив?

— Жив, Петр Алексеевич. И бык тоже, к сожалению. Убежал, разнеся половину студии.

— Это хорошо, что убежал. Плохо, что наследил. Пауза. Слышно было, как на том конце провода звякнула ложечка о фарфор.

— Звонили, Валера. С самого верха. С той башни, где купола не золотые, а с антеннами. Сергей и редактор переглянулись. «Башня с антеннами» — Лубянка. Или Старая площадь.

— И что говорят? — осторожно спросил редактор.

— Говорят, что мы перегнули палку. Что трогать юродивых — это плохая примета. Особенно тех юродивых, которые на балансе у Конторы. Они очень расстроены, Валера. Говорят, мы нарушили конвенцию.

Сергей сжал кулак. Вот оно. Прямое подтверждение. Если бы Дворкин был просто общественником, никто бы не стал звонить владельцу канала через двадцать минут после записи. Система защищала своего агента. Мгновенно. Рефлекторно.

— Эфира не будет, — голос владельца стал жестче. — Забудь про прайм-тайм в пятницу. Сетку переверстать. Поставьте какой-нибудь сериал про ментов или мелодраму. Никакого Дворкина на федеральной частоте.

— Но Петр Алексеевич! — не выдержал Сергей, забыв, что должен молчать. — У нас бомба! У нас доказательства того, что он псих! Что он связан с нацистами! Если мы это покажем, его карьере конец!

— Сережа? — голос в трубке усмехнулся. — Ты горячий парень. Это хорошо. Но ты не понимаешь правил игры. Если мы покажем это по телевизору, это будет объявлением войны. А нам война не нужна. Нам нужен торг. Владелец сделал паузу, давая словам усвоиться. — Они испугались, ребята. Они позвонили *мне*. Лично. Значит, материал убойный.

— Как? — спросил Валерий Борисович. — Спрячем запись в сейф и будем шантажировать?

— Зачем же в сейф? — в голосе владельца прозвучали нотки злой иронии. — Мы же живем в свободном мире. Интернет, свобода слова, все дела.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что официально канал снимает передачу с эфира по техническим причинам. Или из-за угрозы исков. Мы белые и пушистые, мы лояльны. Но... — голос стал тише, — у нас ведь такая плохая кибербезопасность. Хакеры, утечки. Бывает же такое, что рабочий материал попадает в сеть? На YouTube, в Telegram-каналы, на зарубежные сервера?

Сергей почувствовал, как сердце, которое только что упало в пятки, снова начинает биться.

— Слив? — спросил он.

— Контролируемая утечка, — поправил владелец. — Пусть это выглядит как партизанщина. Как будто честные журналисты, вопреки цензуре, донесли правду до народа. Это даже лучше для репутации. А для наших «друзей» из органов это будет сигнал: мы можем укусить, даже если нам надели намордник.

— Понял, — сказал Валерий Борисович. На его лице появилась хищная улыбка. — Сделаем.

— Только аккуратно. Без логотипов канала в углу. Сырой материал. Как будто снято на телефон из аппаратной. И, Сережа... — голос владельца стал серьезным. — Береги себя. Ты теперь личный враг не только Дворкина. Ты задел тех, кто с ним в одной упряжке. А у них длинные руки.

Гудки. Валерий Борисович медленно положил телефон на стол.

— Ты слышал?

— Слышал, — кивнул Сергей.

Редактор подошел к окну. Дождь закончился, но небо над Москвой оставалось свинцово-серым.

— Понимаешь, Сережа, если бы они просто проигнорировали нас, это было бы одно. Но они запретили эфир. Запрет — это высшая форма признания. Запрещая, они подтверждают: каждое слово правды.

В аппаратную заглянула Катя. В руках у нее был тот самый ботинок. Она завернула его в прозрачный пакет для улики, который где-то раздобыла.

— Сергей Саныч, курьер принес флешку. Анонимно. Оставил на ресепшене и ушел.

— Что там?

— Я проверила на изолированном ноуте. Там... там записи с камер наблюдения в коридоре. Как его выводили. И как он кидался на охранников. И еще... аудиозапись из его машины. Видимо, водитель писал.

Сергей взял флешку. Это был подарок. Кто-то внутри системы, кто-то из окружения Дворкина или из тех, кто за ним следил, решил помочь. Или просто решил, что тонущий корабль пора покидать.

— Что на аудио?

— Он звонит кому-то, — голос Кати дрогнул. — Он кричит: «Они все знают! Они раскопали про пазлы! Сворачивайте операцию!». И потом... потом он начинает молиться. Но не по-православному. На каком-то другом языке. Похоже на латынь или немецкий.

Сергей вставил флешку в компьютер. — Немецкий, — сказал он, вспоминая досье. — Язык его учителей. Язык тех, кто придумал термин «Untermensch» — недочеловек. Биомусор.

Они начали готовить «слив». Это была работа, требующая ювелирной точности. Нужно было убрать все метаданные, которые могли бы указать на официальное участие канала. Нужно было смонтировать ролик так, чтобы он смотрелся как сырая, украденная запись, но при этом сохранял драматургию. Сергей сидел за монтажным столом, склеивая куски реальности. Вот Дворкин улыбается. «Милый дедушка». Вот Сергей кладет на стол справку. Глаза дедушки становятся стеклянными. Вот летит ботинок. Вот рычание.

Это было страшно. Даже на экране монитора, в безопасности монтажной.

— Мы назовем это «Исповедь бесноватого», — предложил режиссер.

— Нет, — отрезал Сергей. — Никакого пафоса. Просто факты. Название файла: «Дворкин. Источники. Без цензуры». Пусть люди сами делают выводы.

Сергей вышел в коридор. Ему нужно было позвонить. Он набрал номер адвоката той самой женщины из Перми, у которой отобрали ребенка.

— Алло? Виктор? Это Сергей.

— Сергей? — голос адвоката был удивленным. — Я думал, вас уже арестовали. Слышал, у вас там весело было.

— Мы живы. Виктор, слушайте внимательно. Завтра утром в интернете появится видео. После этого видео вы сможете подать на пересмотр дела.

— Вы думаете, это поможет? Суды же под ними.

— После того, что люди увидят завтра, ни один судья не захочет мараться об экспертизу Дворкина. Он станет токсичным. Система начнет его сливать, чтобы спасти себя.

Сергей положил трубку. Он понимал, что это оптимистичный прогноз. Система своих не сдает, пока они полезны. Но Дворкин может перестать быть полезным. Он может стать опасным.

Глава 15: Паутина распутывается

Валерий Борисович стоял у окна, глядя на Москву.

— Знаешь, Сережа, — сказал он, не оборачиваясь. — Я всю жизнь работал в новостях. Я привык, что новости живут один день. Завтра случится что-то еще, и все забудут. Но это... Это останется.

— Почему? — Потому что мы показали не событие. Мы показали механизм.

Сергей подошел к столу, где лежал пакет с ботинком. Он взял маркер и написал на пластике дату и время.

— Катя, — сказал он. — Убери это в сейф. Когда-нибудь, когда все это закончится, мы отдадим это в музей.

— В музей чего? — спросила она. — Журналистики?

— В музей истории болезни общества. В раздел «Эпидемия ненависти».

— Ты понимаешь, что мы только что сделали? — спросил редактор, не оборачиваясь. — Мы не просто сорвали маску.

— Мы показали правду, — ответил Сергей. Голос его был хриплым. — Он сам себя разоблачил. Мы лишь включили свет.

— Свет... — Валерий Борисович усмехнулся. — Знаешь, Сережа, крысы, загнанные в угол, бросаются на того, кто держит фонарь.

Валерий Борисович подошел к столу и налил себе воды из графина. Руки у него не дрожали, но движения были замедленными, как у человека, который не спал трое суток.

— Давай разберем полеты, — предложил он. — Без эмоций. Только факты. Что мы имеем в сухом остатке?

Сергей открыл свой блокнот. Страницы были исписаны быстрыми пометками, сделанными во время подготовки к эфиру. Теперь эти разрозненные факты складывались в единую, пугающую картину.

— Первое, — начал Сергей. — Дворкин — не самостоятельная фигура. Это очевидно. Психически нестабильный человек с диагнозом циклотимия и патологическое развитие личности не может тридцать лет держать в страхе религиозные организации, суды и чиновников без мощнейшей поддержки.

— А кто его рука? — спросил редактор.

— Рука — это те, кто обеспечил ему иммунитет, — Сергей ткнул ручкой в один из пунктов. — Вспомните звонки из прокуратуры перед эфиром. Вспомните, как быстро замяли дело, когда его люди избили правозащитников. Вспомните, как игнорируются все иски о клевете. Это не просто коррупция. Это системная работа спецслужб.

— Именно. Дворкин создает проблему — «секты». Он раздувает истерию, придумывает врагов там, где их нет. Йоги, психологи, кришнаиты, пятидесятники — для него все «биомусор». Он создает атмосферу осажденной крепости. А силовики под этот шум получают бюджеты, новые полномочия, звезды на погоны за «раскрытие экстремистских ячеек». Это симбиоз. Паразит и носитель.

Сергей подошел к карте на стене, где были отмечены точки активности РАЦИРС. — Но это только верхний слой, Валера.

Сергей замолчал, переводя дыхание. Картинка, которая вырисовывалась, была чудовищной. Это была не просто схема обогащения. Это была схема управления обществом через страх и ненависть. Глобальная цель — развязывание гражданской войны всех против всех. Цивилизационной войны, о которой любят рассуждать представители антикультовой сети

— И вот тут мы подходим к главному парадоксу, — Сергей постучал пальцем по документу с американским флагом. — Гражданин США. Александр Леонидович Дворкин. Человек, который работал на радиостанциях, финансируемых Конгрессом США. Человек, который привез в Россию методички, разработанные на Западе. И этот человек — главный патриот? Главный борец с «западным влиянием»?

— Двойной агент? — предположил Валерий Борисович.

Валерий Борисович сел за стол и потер виски.

— Чудес не бывает, Сережа. Ты прав. Вся эта неуязвимость — это просто административный ресурс. Конкретные фамилии, конкретные кабинеты. И мы наступили им на хвост.

В дверь постучали. Вошла Катя. Она держала в руках внешний жесткий диск.

— Сергей Саныч, Валерий Борисович... Копия готова. Исходники, звук, записи с камер наблюдения в коридоре. Всё там.

— Спрячь, — скомандовал редактор. — И сама исчезни на пару дней. К бабушке в деревню, к подруге на дачу. Телефон оставь здесь.

Когда девушка вышла, редактор посмотрел на Сергея тяжелым взглядом.

— Владелец канала дал добро на «утечку». Официально мы белые и пушистые, подчинились приказу сверху. Но «хакеры»... хакеры такие непредсказуемые.

— Это единственный выход, — согласился Сергей. — Если мы промолчим, они нас раздавят. Они поймут, что нас можно заткнуть. А если видео выйдет... Дворкин станет токсичным. Даже для своих хозяев.

— Он станет сам изгоем, — кивнул Валерий. — Ни один судья, ни один прокурор не захочет мारаться об его «экспертизу».

Сергей подошел к окну. Москва внизу жила своей обычной жизнью. Поток машин, огни витрин. Люди спешили домой, не подозревая, что прямо сейчас, в их городе, решается вопрос: будут ли они свободными гражданами или «биомусором» в картотеке безумного профессора.

— Валера, — тихо сказал Сергей. — А ведь дело не только в Дворкине. Дело в нас. В обществе.

— Что ты имеешь в виду?

— Почему это работало тридцать лет? Почему тысячи людей молчали, когда их близких сажали ни за что? Почему судьи принимали бред сумасшедшего за истину? Он повернулся к редактору. — Потому что мы позволили. Главная сила этой тайной власти — в нашем молчании. В страхе. В мысли «моя хата с краю». Дворкин силен не потому, что он гений зла. Он силен, потому что мы слабы. Мы отдали ему право решать, что есть истина.

Сергей вспомнил историю матери из Перми. Елену. Она пыталась бороться. Она писала письма, ходила по инстанциям. Но она была одна против системы. А система, вооруженная методичками Дворкина, перемалывала одиночек.

— Метод «вины по ассоциации», — проговорил Сергей. — Они берут мирного человека, ставят его рядом с террористом в одном списке, и общество отворачивается. «А вдруг правда? Лучше не связываться». И человек остается один в темноте.

— Ну, теперь он не один, — усмехнулся Валерий Борисович. — Теперь у нас есть прожектор.

Сергей понимал: публикация видео — это не конец войны. Это только начало новой фазы. Более опасной. Раненый зверь будет кусаться. Но страха больше не было. Была холодная решимость.

— Я смонтирую ролик сегодня ночью, — сказал Сергей. — Без купюр. Пусть люди видят всё: и справку из психдиспансера, и нацистские цитаты, и этот чертов ботинок.

— Назови это «Беспредел», — предложил редактор.

— Нет. Беспредел — это слишком просто. Это будет называться «Лицо зверя».

Сергей собрал свои вещи. Папка с документами, теперь мокрая и покоробленная, казалась тяжелее, чем раньше. В ней лежали судьбы людей. И теперь у него был шанс оправдать их доверие.

— Знаешь, что самое смешное? — спросил он уже в дверях.

— Что?

— Дворкин любил повторять фразу: «Эксперт — это не тот, кто что-то знает, а тот, у кого спрашивают».

— И?

— Завтра у него спросят. Миллионы людей. И ему нечего будет ответить, кроме рычания.

Сергей вышел в коридор. Тишина телецентра больше не казалась гнетущей. Это была тишина перед стартом ракеты. Он шел по длинному переходу, и в его голове крутилась одна мысль. Простая и ясная. Чудес не бывает. Нет никакой мистической силы, которая защищает зло. Есть только круговая порука, коррупция и страх. И есть конкретные люди, которые дергают за ниточки. Нити вели наверх. Туда, где в кабинетах сидели «уважаемые люди», решающие, кому жить, а кому умирать ради их геополитических игр.

Сергей сжал ручку портфеля. «Мы перережем эти нити, — подумал он. — Одну за другой. Сегодня мы показали куклу. Завтра люди увидят руки кукловода».

Он вышел на улицу. Ночной воздух был свежим и чистым. Дождь смыл грязь с асфальта. Сергей достал телефон и набрал сообщение своему контакту в IT-отделе, который должен был обеспечить анонимную загрузку видео на зарубежные сервера. Текст был коротким: *«Запускай протокол “Свет”. Время пришло»*.

Он сел в машину и посмотрел в зеркало заднего вида. Черной машины слежки не было. Они ушли перегруппировываться. Они думали, что победили, запретив эфир. Они не понимали, что в эпоху интернета запрет — это лучшая реклама.

Глава 16: Свет против тьмы

Зелёная полоска загрузки на экране ноутбука застыла на 99%. В роскошной съёмной квартире в центре Москвы, где Сергей и Катя укрылись после эфира, будто замер даже воздух — пыль в лучах утреннего солнца не кружилась, а висела. Этот последний процент тянулся мучительно долго. Он отделял старый мир, где безумцы с мандатами могли безнаказанно ломать жизни, от нового — где у каждого преступления есть имя и лицо.

— А если заблокируют сразу? — шепнула Катя. Она сидела на полу, обхватив колени, и не моргала, глядя в экран.

Сергей потёр небритый подбородок, будто пытаясь стереть сомнение вместе с щетиной.

— Не успеют, — сказал он тихо. — «Свет» уже идёт по резервным каналам.

Катя сглотнула.

— Это точно он? Не сорвётся?

— Если сорвётся, он перезапустит. Там не ручная работа — протокол. Как только файл станет доступен хотя бы на одном зеркале, дальше разойдётся само.

На экране дёрнулось окно статуса. Строка обновилась: «UPLOAD COMPLETE».

Сергей не сразу выдохнул — будто боялся спугнуть надпись. Потом медленно положил ладонь на клавиатуру.

— Всё, — сказал он, и в голосе впервые за ночь появилась твёрдость. — Джинн вылетел.

— Теперь ловите, — добавил он уже почти беззвучно, откидываясь на спинку скрипучего стула. — Теперь пусть попробуют.

Первые часы ничего не происходило. Интернет переваривал информацию.

Телефон Сергея, лежавший на столе (новый, «чистый» аппарат), звякнул. Пришло сообщение от Валерия Борисовича: *«Началось. Мне звонили из пресс-службы Патриархии. Спрашивают, это дипфейк или он реально сошел с ума? Я*

сказал, что мы проводим внутреннее расследование утечки, но оригинал выглядит аутентично. Они в панике, Сережа. Они не знают, как реагировать».

Сергей открыл комментарии под видео. Это был тот самый барометр, который показывал реальное давление в обществе. Обычно под роликами с Дворкиным паслись боты и фанатичные последователи, восхваляющие «борца с сектами». Но сегодня шлюзы прорвало.

«Господи, я думал, это уважаемый профессор, а это же натуральный бесноватый! Вы видели его глаза, когда он кинул ботинок? Это же клиника!» — писал пользователь с ником TruthSeeker.

«Мою сестру судили по его экспертизе. Судья смотрела на него как на пророка. А он, оказывается, просто псих с манией величия».

«Куда смотрит ФСБ?»

Сергей читал и чувствовал, как с плеч сваливается огромная гранитная плита. Страх, который нагнетали годами, страх перед всесильной «сектоведческой мафией», растворялся прямо на глазах. Люди делали мемы из летящего ботинка. Они накладывали музыку из фильмов ужасов на рычание Дворкина. Великий и ужасный Инквизитор, которого боялись прокуроры и министры, превратился в интернет-фрика. В посмешище.

— Смотри, — Катя протянула свой планшет. — Это уже переводят. На экране был популярный англоязычный форум. Пользователи из Европы и США разбирали видео по секундам.

То, что Сергей раскопал в одиночку, теперь подтверждали по всему миру. Глобальная сеть антикультистов, финансируемая через FECRIS и французские фонды, вдруг оказалась под прожектором коллективного разума.

— Они думали, что контролируют информацию, — усмехнулся Сергей. — Они привыкли работать в эпоху газет и телевизора, где можно позвонить редактору и снять сюжет. Но они не поняли, что мир изменился. В сети нет рубильника.

К обеду видео набрало просмотров. Сейчас система молчала. Это было гробовое молчание растерянности.

Единомышленники Дворкина, те самые люди из высоких кабинетов, сейчас просчитывали риски. Защищать его теперь — значит замараться об его безумие.

Признать, что их главный эксперт — психически больной человек, кидающийся обувью и цитирующий нацистов, — значит поставить под удар сотни уголовных дел, сфабрикованных на основе его заключений. Дворкин стал токсичным. Он стал активом, от которого нужно избавляться, и как можно быстрее.

Вечером Сергею позвонил Виктор, адвокат Елены из Перми.

— Сергей Александрович, вы волшебник, — голос юриста дрожал от возбуждения. — Мне только что звонили из областной прокуратуры. Сами! Предлагают поговорить про дело «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами». Говорят, экспертиза вызывает сомнения. Вы понимаете? Они сдают назад!

— Я рад, Виктор. Возвращайте девочку домой. — Это прецедент, Сергей! Адвокаты уже пишут ходатайства. Вы выбрали у обвинения главный козырь.

Сергей положил трубку и подошел к окну. Внизу, во дворе, играли дети. Обычная жизнь шла своим чередом, но воздух казался чище. Он вспомнил лицо Дворкина в тот момент, когда показал ему справку из диспансера. Это был не гнев. Это был животный ужас существа, которое вытащили из темной норы на яркий свет. Вся империя тайной власти, вся эта сложная конструкция из лжи, подкупа, запугивания и психотехнологий держалась на одном простом условии: на темноте. Пока люди не знали, кто такой Дворкин на самом деле, пока они верили в его «профессорский» статус и «благословение», он был всесилен. Его безумие принимали за ревность о вере. Его ненависть — за принципиальность.

Но стоило включить свет, стоило показать факты — справки, цитаты, финансовые связи с Западом, — и морок рассеялся. Зло не может существовать при свете. Оно, как плесень, растет только в сырых и темных углах нашего невежества и равнодушия.

Даже внутри системы, среди тех самых силовиков и чиновников, были люди, которые понимали: так дальше нельзя. Которые видели, что использование психопатов и создание «внутренних врагов» ведет страну к катастрофе, к гражданской войне, о которой мечтали антикультовые идеологи.

Он сел рядом с ней на пол.

— Но мы сделали главное. Мы показали людям, что сопротивление возможно. Что «незримая рука» — это не мистическое проклятие, а конкретные пальцы конкретных людей. И эти пальцы можно разжать, если не бояться.

В дверь постучали. Резко, требовательно. Катя вздрогнула. Сергей жестом показал ей оставаться на месте и тихо подошел к глазку. На площадке стоял курьер в желтой форме. В руках — пакет с едой. Сергей выдохнул. Паранойя отпускала медленно. Он забрал заказ и вернулся в комнату.

Сергей понимал: завтра будет новый день. Будут новые расследования, новые угрозы, новые попытки системы взять реванш. «Империя» не сдастся без боя. Те, кто стоит за Дворкиным — глобальные игроки, архитекторы хаоса, — будут применять новые инструменты.

Люди увидели лицо зверя. И оно оказалось перекошенной физиономией злобного старика, который боится разоблачения больше смерти. Этот образ — ботинок на столе, пена у рта, бессвязные крики о нацистах — навсегда останется в коллективной памяти. Его нельзя стереть, нельзя запретить.

Сергей подошел к окну и распахнул его настежь. В комнату ворвался шум ночного города. Где-то вдалеке выла сирена, гудели машины, смеялась молодежь. Город жил. Он был сложным, разным, полным противоречий, но он был живым, живым организмом, который имеет право на выбор, на ошибку, на поиск своего пути.

— Мы не будем молчать, — сказал Сергей в темноту. Это было не обещание, это была констатация факта. Он достал из кармана флешку — ту самую, с копией всех материалов, включая те, что еще не были опубликованы. Схемы финансовых потоков. Связи с террористическими ячейками. Это был его страховой полис. И его оружие для следующего раунда.

— Катя, собирайся, — сказал он. — Нам пора.

— Куда?

— В редакцию. Завтра утром мы должны быть там. Нам нужно подготовить следующий материал. Про тех, кого он дергал за ниточки.

— А если они... — Катя не договорила.

— Они ничего не сделают, — твердо ответил Сергей. — Потому что теперь на нас смотрит весь мир. Мы вышли из тени. А на свету вампиры рассыпаются в прах.

Они вышли из подъезда в прохладу московской ночи. Небо на востоке уже начинало светлеть, окрашиваясь в бледно-серые тона. Тьма отступала. Не потому, что она хотела уйти, а потому, что таков закон природы. Свет всегда побеждает тьму. Нужно только иметь смелость зажечь спичку.

Сергей посмотрел на небо, где гасли последние звезды, и впервые за долгие месяцы почувствовал абсолютное спокойствие. Чудес не бывает. Бывает только работа. Тяжелая, опасная, грязная работа по очистке реальности от лжи. И кто-то должен её делать.

Он сел в машину, завел двигатель и включил радио.

— Поехали, — сказал он. Впереди была долгая дорога. Но теперь он знал, куда она ведет. К свободе.